

Глава 5

ДЖОН ЛО — АВАНТЮРИСТ И ПРОРОК

Имеется обширная литература о Петти и Буагильбере. Но она не идет в сравнение с литературой о Джоне Ло. Первая биография знаменитого шотландца вышла при его жизни. После краха во Франции “системы Ло” о нем писали на всех европейских языках. Ни один французский политический автор XVIII в. не обходит Ло молчанием.

В XIX в., с созданием современных банков и огромным развитием кредита и биржевой спекуляции, поднимается новая волна интереса к деятельности и идеям этого страстного апостола кредита. На него смотрят уже не только как на гениального авантюриста, но и как на крупного экономиста. Его сочинения издаются в 1843 г. в одном томе с трудами Буагильбера и Вобана. Вместе с тем жизнь Ло настолько удивительна, что о нем пишут романы. Во второй части “Фауста” Гете дает злую сатиру на “систему Ло” с ее вакханалией бумажных денег.

XX век — “век инфляции” — поворачивает эту замечательную личность новой стороной к современникам. Джон Ло надеялся через изобилие кредита и бумажных денег поддерживать постоянное процветание в экономике. Эта же идея (разумеется, в новой форме) лежит в основе антикризисной политики современного буржуазного государства. Буржуазные ученые находят прямо-таки мистическое сходство между Ло и Кейнсом: “Параллель между Джоном Ло из Лористона (1671—1729), генеральным контролером финансов Франции... и Джоном Мейнардом Кейнсом уходит так глубоко и охватывает столь широкую область, затрагивая даже некоторые аспекты их личной жизни, что иной спиритуалист мог бы найти в Кейнсе перевоплощение Ло через два столетия”.

Характерны даже заглавия некоторых книг о Ло, вышедших за последние годы: “Отец инфляции”, “Волшебник кредита”, “Необыкновенная жизнь банкира Ло”. Вместе с тем он занял почетное место в объемистых томах по истории экономической мысли.

Опасная карьера и смелые идеи

В 1717 г. Петр I, находясь в Париже, посетил открытый год назад Всеобщий банк и говорил с его директором шотландцем Джоном Ло о принципах, на которых основан банк. Энергичный и умный банкир, очевидно, произвел на Петра благоприятное впечатление. Россия еще не знала ни банков, ни ценных бумаг, ни бумажных денег. Но как и все, что могло способствовать экономическому развитию страны, это привлекало внимание Петра. А Ло, вкусивший первые плоды успеха и готовивший новые колоссальные предприятия, несомненно изобразил Петру свою систему в ярких и сочных красках.

В 1721 г., когда опальный и изгнанный из Франции Ло жил в Венеции и готовился ехать в Лондон, чтобы там попытать счастья, его посетил некий савойский дворянин, который представился агентом российского правительства. Он вручил Ло письмо, написанное по поручению Петра одним из его советников. В письме содержалось приглашение на русскую службу и предлагался приличный аванс. Однако все надежды Ло были связаны в то время с английским двором, который относился к России по мере ее усиления

(только что был заключен победный мир со Швецией) все враждебнее. Поэтому Ло, боясь потерять свои шансы в Лондоне, уклонился от ответа и неожиданно уехал из Венеции.

Джон Ло родился в 1671 г. в столице Шотландии Эдинбурге. Отец его был золотых дел мастером и, по обычаю того времени, давал также деньги в рост. В 1683 г. он купил небольшое имение Лористон и тем самым стал дворянином. Имея деньги, хорошую внешность и манеры, Джон Ло рано начал жизнь игрока и бретера. В 20 лет, когда он, по словам одного из сотоварищей, был уже “весьма хорошо знаком со всеми видами распутства”, Ло нашел Эдинбург слишком провинциальным для себя и отправился в Лондон. Хотя Шотландия и Англия имели одного короля, во всех остальных отношениях первая была в то время еще независимым государством со своими законами и денежной системой.

В Лондоне молодой шотландец скоро стал известен под прозвищем Beau Law (Бо Ло, т. е. Красавчик Ло или Франт Ло). В апреле 1694 г. он убил человека на дуэли. Суд признал дуэль убийством и приговорил Бо Ло к смертной казни. Благодаря заступничеству каких-то влиятельных лиц король Вильгельм III помиловал шотландца, но родственники убитого начали против него новый процесс. Не дожидаясь его исхода, Ло с помощью друзей бежал из тюрьмы, прыгнув с высоты 30 футов и вывихнув при этом ногу. Путь ему был один — за границу, и он выбрал Голландию.

В течение трех лет, которые Ло провел в Лондоне, он общался не только с кутилами и женщинами. Обладая приличным практическим образованием и способностями к расчету и разного рода денежным делам, он свел близкое знакомство с финансовыми дельцами, которыми кишел Лондон после революции 1688—1689 гг. Несколько лет спустя был основан Английский банк, что явилось важным событием в истории английского капитализма.

Ло был романтиком банкового дела. Это звучит теперь довольно странно: банк и романтика! Но тогда, на заре развития капиталистического кредита, его возможности многим казались безграничными и чудесными. Недаром Ло много раз в своих сочинениях сравнивал учреждение банков и развитие кредита с “открытием Индий”, т. е. морского пути в Индию и Америку, откуда в Европу шли драгоценные металлы и редкие товары. Всю жизнь он искренне верил, что своим банком сделает больше, чем сделали Васко да Гама, Колумб и Писарро! В Джоне Ло не испытанная тогда еще сила кредита нашла своего поклонника, поэта, пророка.

Это началось в Англии и продолжалось в Голландии, где Ло пристально изучал самый солидный и крупный во всей тогдашней Европе Амстердамский банк. В 1699 г. след Ло обнаруживается в Париже. Оттуда он отправляется в Италию, увозя с собой молодую замужнюю женщину, англичанку по происхождению, Кэтрин Сеньер. Отныне она сопровождает его во всех странствиях. Одержимый идеей создания банка нового типа, Ло в 1704 г. с Кэтрин и годовалым сыном высаживается в Шотландии, чтобы попытаться здесь осуществить эту идею.

Страна в тисках экономических трудностей. В торговле застой, в городах безработица, дух предпринимательства подавлен. Тем лучше! Свой проект разрешения этих трудностей Ло излагает в книжке, которая вышла в 1705 г. в Эдинбурге под названием “Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами”.

Ло не был теоретиком в сколько-нибудь широком смысле. Его экономические интересы почти не выходят за пределы проблемы денег и кредита. Но, страстно ратуя за свой проект, он высказал по этой проблеме мысли, которые сыграли большую и очень противоречивую роль в экономической науке. Конечно, экономические взгляды Ло надо рассматривать вместе с его практической деятельностью, последствия которой были огромны. Но и в этой деятельности, и в своих последующих сочинениях он лишь осуществлял и развивал коренные идеи, изложенные в эдинбургской книжке.

“Это был человек системы”, — несколько раз повторяет герцог Сен-Симон, оставивший важные свидетельства о личности Ло. Придя к основным положениям своей системы, Ло с несокрушимым упорством и последовательностью проповедовал и осуществлял ее.

Ло утверждал, что ключ к экономическому процветанию — изобилие денег в стране. Не то чтобы он считал сами деньги богатством, он отлично понимал, что подлинное богатство — это товары, предприятия, торговля. Но изобилие денег, по его мнению, обеспечивает полное использование земли, рабочей силы, предпринимательских талантов.

Он писал: “Внутренняя торговля есть занятость людей и обмен товаров... Внутренняя торговля зависит от денег. Большее их количество дает занятие большему числу людей, чем меньшее количество... Хорошие законы могут довести денежное обращение до той полноты, к какой оно способно, и направить деньги в те отрасли, которые наиболее выгодны для страны; но никакие законы... не могут дать людям работу, если в обращении нет такого количества денег, которое позволило бы платить заработную плату большему числу людей”.

Ло заметно отличается от старых меркантилистов: хотя он тоже ищет пружину экономического развития в сфере обращения, он отнюдь не прославляет металлические деньги, а, напротив, всячески развенчивает их. Через 200 лет Кейнс назовет золотые деньги “варварским пережитком”; это вполне мог сказать Ло. Деньги должны быть не металлические, а кредитные, создаваемые банком в соответствии с нуждами хозяйства, иначе говоря, бумажные: “Использование банков — лучший способ, какой до сих пор применялся для увеличения количества денег”. Система Ло увенчивалась еще двумя принципами, значение которых трудно переоценить. Во-первых, для банков он предусматривал политику кредитной экспансии, т. е. предоставление ссуд, во много раз превышающих хранящийся в банке запас металлических денег. Во-вторых, он требовал, чтобы банк был государственным и проводил экономическую политику государства.

Это следует немного пояснить, тем более что подобные проблемы — в других условиях и иных формах — сохраняют свою актуальность и теперь. Представьте себе, что владельцы банка внесли в качестве его капитала 1 млн. фунтов стерлингов золотом. Кроме того, они приняли вклады на 1 млн. Банк печатает на миллион банкнот и выдает ими ссуды. Для людей, имеющих хотя бы самое элементарное представление о бухгалтерии, ясно, что баланс этого банка будет выглядеть так:

АКТИВ		ПАССИВ	
Золото	2 млн.	Собственный капитал	1 млн.
Ссуды	1 млн.	Вклады	1 млн.
		Банкноты	1 млн.
Всего		Всего	3 млн.

Конечно, такой банк будет абсолютно надежен, так как его золотой фонд полностью покрывает вклады и банкноты, которые могут быть в любой момент предъявлены к оплате. Но, спрашивает не без основания Ло, велика ли польза от такого банка? Известная польза, конечно, будет: он облегчит расчеты, сбережет золото от потери и стирания. Однако несравненно больше будет польза, если банк выпустит банкнот, скажем, на 10 млн. и снабдит ими хозяйство. Тогда получится такая картина:

АКТИВ		ПАССИВ	
Золото	2 млн.	Собственный капитал	1 млн.
Ссуды	10 млн.	Вклады	1 млн.
		Банкноты	10 млн.
Всего		Всего	12 млн.

Такой банк будет действовать с известным риском: что произойдет, если, скажем, держатели банкнот предъявят их на 3 млн. к размену? Банк лопнет, или, как говорили во времена Ло и говорят теперь, прекратит платежи. Но Ло считает, что это оправданный и необходимый риск. Более того, он полагает, что, если банку придется на какое-то время прекратить платежи, это тоже не такая большая беда.

В нашем примере золотой запас банка составляет лишь 20% суммы выпущенных банкнот и еще меньше, если к банкнотам прибавить вклады. Это так называемый принцип частичного резерва, который лежит в основе всего банковского дела. Благодаря этому принципу банки в состоянии эластично расширять ссуды и пополнять обращение. Кредит играет важнейшую роль в развитии капиталистического производства, и Ло был одним из первых, кто разглядел это.

Но в этом же принципе заложена опасность для устойчивости банковской системы. Банки склонны “зарываться”, раздувать свои ссуды ради прибылей. Отсюда и возможность их краха, который может иметь для экономики очень тяжелые последствия.

Другая опасность, или, скорее, другой аспект этой опасности,— эксплуатация удивительных способностей банков государством. Что будет, если банку придется расширять выпуск своих банкнот не для удовлетворения действительных потребностей хозяйства, а просто для покрытия дефицита в государственном бюджете? Слово “инфляция” еще не было изобретено, но именно она угрожала и банку Ло, и стране, где он действовал бы.

Ло видел преимущества кредита, но не видел или не хотел видеть его опасности. Это было главной практической слабостью его системы и в конечном счете погубило ее. Теоретическим пороком взглядов Ло было то, что он наивно отождествлял кредит и деньги с капиталом. Он думал, что, расширяя ссуды и выпуск денег, банк будет создавать капитал и тем самым увеличивать богатство и занятость. Однако никакой кредит не может заменить действительные трудовые и материальные ресурсы, необходимые

для расширения производства.

Кредитные операции, которые Ло предусматривал в своей первой книге и которые он в грандиозных масштабах осуществил через 10—15 лет на практике, придают его системе явный характер финансового авантюризма. Относя Джона Ло к “главным провозвестникам кредита”, Маркс саркастически отмечал свойственный таким личностям “приятный характер помеси мошенника и пророка”.

Завоевание Парижа

Шотландский парламент отверг проект учреждения банка. Английское правительство дважды отклонило ходатайства Ло о прощении совершенного им 10 лет назад преступления. В связи с подготовкой акта об унии (объединении) Англии и Шотландии он вновь был вынужден уехать на континент. Следующие 10 лет Ло ведет жизнь почти профессионального игрока. То с семьей, то один живет он в Голландии и Италии, во Фландрии и Франции. Всюду он играет, а также занимается спекуляциями с ценными бумагами, драгоценностями, картинами старых мастеров.

Монтескье в “Персидских письмах” (1721 г.) вкладывает в уста некоему персу, путешествующему по Европе, следующее ироническое наблюдение: “Игра в большом ходу в Европе: быть игроком — это своего рода общественное положение. Звание это заменяет благородство происхождения, состояние, честность, всякого, кто его носит, оно возводит в ранг порядочного человека...”

Именно таким путем создал себе Ло и общественное положение и состояние. О его таланте игрока возникли легенды. Хладнокровие, расчет, необыкновенная память и, наконец, удача приносили ему крупные выигрыши. Когда Ло решил окончательно осесть в Париже, он привез с собой во Францию состояние в 1600 тыс. ливров. Но Париж привлекал его не только игрой и спекуляциями. По мере обострения финансового кризиса он все более чувствовал, что здесь наконец ухватятся за его проект. Казна государства была пуста, государственный долг огромен, кредит подорван, в хозяйстве упадок и застой. Все это Ло предлагал поправить путем создания государственного банка с правом эмиссии банкнот.

Его час настал, когда в сентябре 1715 г, умер Людовик XIV. Ло уже несколько лет исподволь внушал свою идею человеку, который имел шансы стать правителем страны при малолетнем наследнике престола,— герцогу Филиппу Орлеанскому, племяннику старого короля. Филипп уверовал в шотландца. Когда он, оттеснив других претендентов на регентство, захватил власть, то немедленно призвал к себе Ло.

Потребовалось более полугода, чтобы преодолеть сопротивление аристократических советников регента и парижского парламента, боявшихся радикальных мер и не доверявших иностранцу. Ло пришлось отказаться от идеи государственного банка и согласиться на частный акционерный банк. Впрочем, это был лишь обходный маневр: с самого начала банк был тесно связан с государством. Учрежденный в мае 1716 г. Всеобщий банк в первые два года своей деятельности имел потрясающий успех. Талантливый администратор, ловкий делец, искусный политик и дипломат, Ло при поддержке регента смело и уверенно овладевал всей денежной и кредитной системой страны. Банкноты Всеобщего банка, выпуск которых Ло в этот период успешно регулировал, внедрялись в обращение и часто принимались

даже с премией против монет. По сравнению с парижскими ростовщиками банк давал ссуды из умеренного процента, сознательно направляя их в промышленность и торговлю. В народном хозяйстве наметилось известное оживление.

Великий крах

Ло не был истинным патриотом страны, он был патриотом своей идеи. Сначала он безуспешно предлагал эту идею Шотландии и Англии, савойскому герцогу и Генуэзской республике. Когда Франция наконец приняла ее, он искренне почувствовал себя французом. Немедленно принял он французское подданство, а позже, когда он счел это нужным для успеха системы, перешел в католическую веру.

Нет никакого сомнения в том, что Ло действительно верил в свою идею и вложил в ее осуществление во Франции не только все свои деньги, но и душу. Ло не был заурядным мошенником, который намеревался награть возможно больше, а потом скрыться с награвленным. Позже он многократно повторял в своих “оправдательных меморандумах”, что, имея он такие планы, он не привез бы во Францию все свое состояние и уж во всяком случае сумел бы отправить что-нибудь за границу, пока он еще был у власти. Можно верить Сен-Симону, когда он говорит о Ло: “В его характере не было ни алчности, ни плутовства”. Мошенником его сделала сама неумолимая логика его системы!

В написанном в декабре 1715 г. письме Ло к регенту, в котором он еще раз объясняет свои идеи, есть загадочное место, отдающее прямо-таки мистификацией: “Но банк — не единственная и не самая большая из моих идей, я создам учреждение, которое поразит Европу изменениями, вызванными им в пользу Франции. Эти изменения будут более значительны, чем те перемены, которые произошли от открытия Индий или введения кредита. Ваше королевское высочество сможет вызволить королевство из печального состояния, в которое оно приведено, и сделать его более могущественным, чем когда-либо, установить порядок в финансах, оживить, поддерживать и развивать сельское хозяйство, промышленность и торговлю”.

Прожектеры всегда сулили правителям золотые горы, но здесь экономический алхимик обещает какой-то философский камень. Через два года выяснилось, что скрывалось за этими туманными обещаниями. В конце 1717 г. Ло основал свое второе гигантское предприятие — Компанию Индий. Поскольку она была первоначально создана для освоения принадлежавшего тогда Франции бассейна реки Миссисипи, современники чаще всего называли ее Миссисипской компанией.

Внешне тут, казалось, было мало нового: в Англии уже более столетия процветала Ост-Индская компания, подобное общество было и в Голландии. Но компания Ло отличалась от них. Это не было объединение узкой группы купцов, распределивших между собой паи. Акции Миссисипской компании предназначались для продажи сравнительно широкому кругу капиталистов и для активного обращения на бирже. Компания была теснейшим образом связана с государством не только в том смысле, что она получила от государства огромные привилегии, монополию во многих областях. В правлении компании рядом с невозмутимым шотландцем восседал сам Филипп Орлеанский, регент Франции. Компания была сращена с Всеобщим банком, который с начала 1719 г. перешел к государству и стал именоваться

Королевским банком. Банк давал капиталистам деньги для покупки акций компании, вел ее финансовые дела. Все нити управления обоими учреждениями были сосредоточены у Ло.

Итак, вторая “великая идея” Ло была идея централизации, ассоциации капиталов. И здесь шотландец опять-таки выступил пророком, опередившим свое время лет на сто — сто пятьдесят. Лишь в середине XIX в. в Западной Европе и Америке начался бурный рост акционерных обществ. В настоящее время они охватили почти все народное хозяйство в развитых капиталистических странах, в том числе особенно все крупное производство. Большие предприятия не под силу одному или даже нескольким капиталистам, как бы богаты они ни были. Для этого необходимо объединить капиталы многих владельцев. Разумеется, мелкие акционеры только дают деньги и никакого влияния на ход дела не оказывают. Реально управляет верхушка, которую в Миссисипской компании представляли Ло и несколько его сподвижников. Маркс говорит о прогрессивной роли акционерных обществ: “Мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг”.

Неизбежным спутником акционерного дела является ажиотаж и спекуляция при купле-продаже акций. Система Ло породила этот ажиотаж в невиданных до тех пор размерах. После того как в течение первого года своего существования компания пустила корни, Ло перешел к решительным действиям с целью поднять курс и расширить сбыт акций. Для начала он купил двести 500-ливровых акций, стоивших тогда только 250 ливров за штуку, “на срок”, обязавшись через шесть месяцев уплатить за каждую акцию по номиналу 500 ливров, сколько бы она тогда ни стоила. В этой, как многим казалось, нелепой сделке был большой расчет, и он оправдался. Через полгода цепа акции в несколько раз превышала номинал, Ло положил в карман огромную прибыль.

Но это было не главное: лишняя сотня тысяч не имела для него теперь особого значения. Цель была в том, чтобы привлечь к акциям внимание, заинтересовать покупателей. В то же время он с большой энергией и размахом расширял дела компании. Предвосхищая и в этом отношении далекое будущее, он сочетал реальное дело с искусной рекламой.

Ло начал колонизацию долины Миссисипи и основал город, который в честь регента был назван Новый Орлеан. Поскольку добровольных переселенцев не хватало, правительство по просьбе компании начало ссылать в Америку воров, бродяг, проституток. Вместе с тем Ло организовал печатание и распространение всякого рода завлекательных известий о сказочно богатом крае, жители которого якобы с восторгом встречают французов и несут золото, драгоценные камни и другие богатства в обмен на безделушки. Он отправлял иезуитов для обращения индейцев в католичество.

Компания Ло поглотила несколько влиятельных жалкое существование французских колониальных компаний и стала всемогущей монополией. При этом несколько десятков старых судов, которые она имела, в устах Ло и под пером его помощников превращались в огромные флоты, везущие во Францию серебро и шелк, пряности и табак. В самой Франции компания взяла откуп налогов и, надо отдать ей справедливость, повела это дело

гораздо разумнее и эффективнее, чем ее хищные предшественники. Вообще, все это представляло собой странную смесь блестящей организации и смелого предпринимательства с безудержным авантюризмом и прямым обманом!

Хотя компания выплачивала весьма скромные дивиденды, ее акции с весны 1719 г. поднялись ввысь, как воздушный шар. Только этого и ждал Ло. Ловко управляя рынком, он начал проводить новые выпуски акций, продавая их по все более высоким ценам. Спрос на акции превышал их выпуск, и при объявлении подписки у дверей компании выстраивались и стояли днем и ночью тысячные очереди. И это несмотря на то, что уже в сентябре 1719 г. компания продавала свои акции номиналом в 500 ливров по 5 тыс. ливров. Люди влиятельные и знатные не стояли в очереди, а осаждали самого Ло и других директоров, добиваясь подписки. Ведь акцию, которая стоила по выпускной цене 5 тыс. ливров, можно было завтра продать на бирже за 7 или 8 тыс.! История сохранила удивительные случаи: люди пытались проникнуть в кабинет Ло через печную трубу; какая-то светская дама приказала кучеру перевернуть коляску около его дома, чтобы выманить галантного кавалера и заставить его выслушать свою просьбу; секретарь нажил целое состояние на взятках, которые он брал с просителей, ожидавших приема у Ло.

Мать регента Филиппа, старая язвительная дама, запечатлевшая в письмах к своим родственникам в Германию эту фантастическую эпоху, писала: “За Ло бегают так, что у него нет покоя ни днем, ни ночью. Одна герцогиня публично целовала ему руки. Если герцогини целуют руки, то какие же части его тела готовы чтить другие женщины?” В письме от 9 ноября 1719 г. она рассказывает: “Недавно, когда несколько дам были у него, он захотел выйти. Они удерживали его, и он вынужден был признаться, в чем дело. “О, это ничего не значит,— заявили они.— Это пустяки; помочитесь здесь, а мы будем продолжать разговор”. И они остались с ним”.

Еще более странные вещи творились на улочке Кенкампуа, где возникла и расцвела биржа. С утра до вечера здесь кипела толпа, которая продавала и покупала, приценивалась и рассчитывала. 500-ливровая акция поднялась до 10 тыс., потом до 15 и остановилась на 20 тыс. ливров. Стремительно вырастали огромные состояния; в эти дни возникло и так хорошо знакомое теперь слово “миллионер”. Оргия обогащения соединяла все сословия, которые нигде больше, даже в церкви, не сливались. Знатная дама толкалась рядом с извозчиком, герцог торговался с лакеем, аббат мусолил пальцы, рассчитываясь с лавочником. Здесь был один бог — деньги!

В расчетах за акции золото и серебро принимали неохотно. В разгар бума 10 акций равнялись по цене 14 или 15 центнерам серебра! Почти все платежи производились в банкнотах. И все это бумажное богатство — и акции и банкноты — создал финансовый чародей Жан Ла (так французы называли шотландца).

Зимой 1719/20 г. слава и влияние Ло достигли апогея. Когда он посетил биржу, толпа кричала: “Да здравствует король и монсеньор Ла!” Он был избран в Академию. Родной город Эдинбург преподнес ему почетное гражданство, а в присланной грамоте говорилось, что он “достиг в мире такой знаменитости, которая делает честь не только этому городу, но всей шотландской нации”. Ло купил поместье, дававшее титул маркиза. Когда он перешел в католичество, одна светская дама сказала ему: “Теперь вы спаслись!” На что он возразил: “Суть не в том, что я спасся. Главное, что я спас Францию!” Скромность не была в числе его достоинств.

5 января 1720 г. Ло официально стал генеральным контролером финансов. Фактически же он управлял финансами страны уже давно. Но как раз в это время стали ощущаться первые подземные толчки под его системой.

Куда вкладывались огромные деньги, которые собирала компания путем выпуска своих акций? В ничтожной части — в корабли и товары. В подавляющей — в облигации государственного долга. Фактически она взяла на себя весь огромный государственный долг (до 2 млрд. ливров), выкупив облигации у владельцев. Это и было то установление порядка в финансах, которое обещал Ло. Каким образом размещались все новые и новые сотни миллионов ливров в акциях компании? Только благодаря тому, что банк Ло одновременно печатал и пускал в оборот все новые сотни миллионов в банкнотах.

Этот порядок не мог быть долговечным. Ло не хотел этого видеть, но его многочисленные враги и недоброжелатели и просто дальновидные спекулянты — те уже видели. Они, разумеется, спешили избавиться и от акций и от банкнот. Ло ответил на это поддержкой твердого курса акций и ограничением размена банкнот на металл. Однако, так как для поддержки акций были нужны деньги, Ло печатал их все больше и больше. Многочисленные предписания, которые он издавал в эти месяцы, носят следы растерянности. Ло был загнан в тупик, система погибала... К осени 1720 г. банкноты, превратившиеся в инфляционные бумажные деньги, стоили не более четверти своей нарицательной стоимости в серебре. Цены всех товаров сильно повысились. В Париже не хватало продовольствия, усиливалось народное возмущение. С ноября банкноты перестали быть законным платежным средством. Началась ликвидация системы.

На этих последних рубежах Ло продолжал вести упорную борьбу. В июле он едва спасся от разъяренной толпы, требовавшей обмена обесцененных бумажек на полноценные деньги, и с трудом нашел спасение во дворце регента. Все замечали, что Ло исхудал, потерял свою обычную самоуверенность и учтивость. У него начались нервные припадки.

По Парижу ходило множество куплетов, анекдотов и карикатур, в которых издевались над Ло, а заодно и над регентом. Герцог Бурбон, наживший, по слухам, 25 млн. ливров на спекуляциях с акциями и вовремя вложивший их в материальные ценности, уверял Ло, что теперь ему не грозит опасность: парижане не убивают тех, над кем смеются. Но Ло имел основание думать по-другому и не появлялся иначе как под надежной охраной, хотя министерский пост был у него уже снят. Парижский парламент, который всегда был в оппозиции к Ло, требовал судить его и повесить. Приближенные герцога предлагали по крайней мере упрятать его в Бастилию. Филипп стал понимать, что лучше отделаться от своего любимца, чтобы как-то успокоить страсти. Его последней милостью было разрешение Ло покинуть Францию.

В середине декабря 1720 г. Джон Ло с сыном, оставив в Париже жену, дочь и брата, тайно выехал в Брюссель. Все его имущество было вскоре конфисковано и использовано для удовлетворения кредиторов. Когда о бегстве Ло стало известно, прошла новая волна издевательских куплетов. Кто-то сочинил “эпитафию”:

Под камнем сим — шотландец знаменитый.
Он несравненным финансистом был
И с помощью системы, им открытой,

Всю Францию он по миру пустил.

Смерть в Венеции

Кого именно пустил Ло по миру? Иначе говоря, что означала система и ее крах с социальной точки зрения? Об этом спорят уже 250 лет.

В XVIII в. Ло в основном ругали, но в этом было больше морального негодования, чем трезвого анализа. В середине прошлого столетия Луи Блан в его “Истории Французской революции” и другие социалисты луи-блановского толка “реабилитировали” Ло и попытались изобразить его чуть ли не предтечей социализма. По мнению Луи Блана, Ло нападал на золото и серебро как на “деньги богачей” и хотел наполнить обращение “деньгами бедняков” — бумажными. Своим всеобъемлющим банком и торговой монополией Ло якобы стремился утвердить социалистический принцип ассоциации в противовес буржуазному принципу безжалостной конкуренции. Луи Блан изображал некоторые экономические меры Ло как сознательную политику, направленную на облегчение жизни трудового люда.

Все это довольно далеко от истины. Блана критиковали многие буржуазные историки и экономисты. Но лишь с позиций марксизма можно до конца объяснить историческую роль Ло, его идей и деятельности. В том виде, в каком Ло хотел внедрить принцип ассоциации, это чисто буржуазный принцип. Он противостоит вовсе не капитализму, а феодализму с его косным делением общества на сословия, отсутствием социальной мобильности людей. Ло хотел ассоциировать и уравнивать любых акционеров своей компании и клиентов своего банка — аристократов и буржуа, ремесленников и дельцов, — но ассоциировать их как капиталистов.

Своей системой Ло готовил то, что капитализм в полной мере осуществил позже: “Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его “естественным повелителям”, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана””.

В этом смысле Ло был прогрессивным деятелем. Но Ло не был защитником угнетенных классов даже в том ограниченном смысле, в каком им был Буагильбер. В его сочинениях мы не найдем того искреннего сочувствия к народу, к крестьянству, которое украшает руанца. Да это и несовместимо с его личностью авантюриста, игрока, спекулянта. Ло выражал интересы крупной денежной буржуазии. На ее предпринимательский дух он возлагал надежды. Это шотландец подтвердил и своей политикой. Когда весной 1720 г. перед ним встала дилемма — поддерживать ли банкноты, которые были распространены среди широчайших масс, или акции, которыми владели капиталисты, он выбрал последнее.

Система и ее крах вызвали немалое перераспределение богатства и дохода. Она еще более подорвала положение дворянства, которое распродало поместья и особняки, чтобы принять участие в спекуляции. События эпохи регентства ослабили позиции монархии и аристократии.

С другой стороны, финансовая магия Ло ударила по городской бедноте, которая жестоко страдала от дороговизны. Когда бумажные деньги были

поставлены вне закона, оказалось, что очень значительная их часть мелкими суммами скопилась у ремесленников, торговцев, прислуги и даже у крестьян.

Важнейшим социальным результатом системы Ло было возвышение нуворишей, сумевших полностью или хотя бы в основном сохранить богатство, нажитое на бешеных спекуляциях.

После своего бегства из Парижа Ло прожил восемь лет. Он был беден. Конечно, не так беден, как человек, умирающий с голоду, а как человек, который не всегда имеет собственный выезд и снимает не особняк, а скромную квартиру. Он был бездомен, но жизнь изгнанника и странника он вел всю свою жизнь. Ему не пришлось больше увидеть жену (с которой он, впрочем, так и не успел обвенчаться) и дочь: его не пускали во Францию, а их не выпускали оттуда.

Первые годы он не терял надежду вернуться, оправдать себя и продолжить свою деятельность. Он засыпал регента письмами, в которых вновь и вновь все объяснял и обосновывал. В этих письмах суть его экономических идей осталась прежней, он только предполагал действовать более осторожно и терпеливо.

В 1723 г. Филипп Орлеанский скоропостижно умер. Все надежды Ло на возвращение должности и имущества и даже на скромную пенсию, которую стал ему выплачивать регент, сразу рухнули. К власти пришли люди, которые не хотели и слышать о нем. В это время Ло жил в Лондоне. Английское правительство сочло его достаточно влиятельным и ловким человеком, чтобы послать с каким-то полусекретным поручением в Германию. Около года прожил он в Ахене и Мюнхене.

Это была уже только тень “великого” финансиста и всемогущего министра. Он стал словоохотлив и без конца рассказывал о своих деяниях, защищал себя, обвинял врагов. В слушателях не было недостатка: люди считали, что у шотландца есть какая-то тайна, какой-то секрет, превращающий бумагу в золото. Многие полагали, что он не мог быть настолько глуп, чтобы не припрятать часть своих богатств за пределами Франции, и надеялись чем-нибудь поживиться. Наиболее суеверные думали, что он колдун.

Последние годы Ло провел в Венеции. Он делил свой досуг между игрой (от этой страсти его излечила только могила), беседами со все еще многочисленными гостями и работой над объемистой “Историей финансов времен регентства”. Это сочинение Ло писал, стремясь оправдаться перед потомками. Оно было впервые опубликовано через 200 лет. В 1728 г. его посетил знаменитый Монтескье, совершавший большую поездку по Европе. Он нашел Ло несколько одряхлевшим, по по-прежнему несокрушимо уверенным в своей правоте и готовым защищать свои идеи.

Джон Ло умер от воспаления легких далеко от родины, в Венеции, в марте 1729 г.

Ло и XX век

Современникам казалось, что чудовищные эксцессы системы Ло никогда не могут повториться. Но они ошибались. Система Ло была отнюдь не концом, а началом или, скорее, провозвестником эпохи. Предприятия Ло, поражавшие воображение людей той эпохи, теперь кажутся детскими игрушками в сравнении с тем, что создал капитализм в XIX и XX столетиях.

В середине прошлого века идеи Ло, его Всеобщий банк и Миссисипская компания как бы воскресли в предприятии ловких финансистов братьев Перейра — парижском акционерном банке Credit Mobilier. Наполеон III играл в отношении этого спекулятивного колосса ту же роль покровителя и эксплуататора, какую регент Филипп — в отношении учреждений, основанных Ло. Спрашивая, какие средства использует этот банк, чтобы “умножать свои операции” и подчинить все промышленное развитие Франции биржевой игре, Маркс отвечал: “Да те же самые, какие использовал Ло” — и далее разъяснял это сходство подробнее.

Credit Mobilier лопнул незадолго до франко-прусской войны, но он сыграл немалую историческую роль, положив начало новой эре банкового дела — созданию спекулятивных банков, тесно связанных с промышленностью, а в дальнейшем и с государством. Из развития крупных акционерных обществ, захвативших господствующие позиции в целых отраслях промышленности, из роста гигантских банков и их сращивания с промышленными монополиями на рубеже XIX и XX столетий образовался финансовый капитал.

Но это, так сказать, “конструктивное” развитие. Что же говорить об эксцессах? В какое сравнение идет мисси-сипская авантюра Ло с грандиозной аферой, предпринятой в конце XIX в. во Франции группой дельцов, которые собрали деньги 800 тыс. акционеров для строительства Панамского канала и расхитили их? Слово “панамы” (большое надувательство) стало столь же нарицательным, как слово “миссисипи” в дни Ло.

В какое сравнение идет крах системы Ло, скажем, с крахом нью-йоркской биржи в 1929 г. или инфляция Ло со “сверхинфляциями” XX в., когда деньги (в Германии в 20-х годах, в Греции в 40-х годах) обесценивались в миллионы и миллиарды раз? А если бы мы стали перечислять страны, где имели и имеют место инфляции с падением стоимости денег “только” в десятки и сотни раз, то список занял бы вероятно, целую страницу.

Личность Ло как финансового дельца с богатым воображением, размахом и энергией тоже многократно “повторялась” в истории; капитализм требовал таких людей и порождал их. Это и реальные лица, вроде Исаака Перейры или Джона Пирпонта Моргана, и литературные герои: герой романа Золя “Деньги” биржевой магнат Саккар, драйзеровский финансист, титан и стойк Каупервуд...

Какую роль сыграл, однако, Джон Ло в развитии политической экономии как науки? Прежде всего надо сказать, что важное значение имели не только и не столько теория и сочинения Ло, сколько его практика: система и ее крах.

Далее. Сколько-нибудь прямых последователей в экономической науке Ло пришлось дожидаться 100, а то и 200 лет. Напротив, если политическая экономия XVIII и первой половины XIX в. в своем блестящем развитии в значительной мере отталкивалась от идей Ло, то отталкивалась лишь как от опасной и вредной ереси. Борьба с этой ересью сыграла немалую роль в становлении взглядов Кенэ, Тюрго, Смита, Рикардо. Анализируя развитие французской политической экономии, Маркс замечает: “Возникновение физиократии было связано как с оппозицией против кольбертизма, так и, в

особенности, со скандальным крахом системы Ло”. Если Буагильбер послужил позитивным источником взглядов физиократов, то Ло — негативным.

Критика Ло со стороны классиков была прогрессивной и шла в верном направлении. Она была частью их борьбы против меркантилизма, к которому во многих отношениях был близок Ло. Конечно, Ло уже резко отличается от тех примитивных меркантилистов, которые сводили все экономические проблемы к деньгам и торговому балансу. Он рассматривал деньги в основном как орудие воздействия на развитие экономики. Но при этом он не покидал поверхностной сферы обращения и даже не пытался постигнуть сложную анатомию и физиологию капиталистического производства. А классики буржуазной политической экономии стремились именно к этому.

Рассчитывая на денежные факторы, Ло, естественно, связывал все свои надежды с государством. Он с самого начала хотел иметь государственный банк, и лишь временные трудности заставили его сначала согласиться на банк частный. Его торговая монополия была своеобразным придатком государства.

В своей конкретной экономической политике Ло был непоследователен: он отменял одни меры государственной регламентации, стеснявшие хозяйство, и тут же вводил другие. Его деятельность на посту министра несколько не похожа на деятельность Тюрго через полстолетия, о чем речь будет дальше. Ло опирался на феодально-бюрократическое государство, а именно против грубого и обременительного вмешательства этого государства в экономику выступили и физиократы и Смит. В этом отношении им тоже гораздо ближе был Буагильбер, чем Ло.

Однако, отвергая капиталотворческую концепцию кредита, которую выдвигал и пытался практиковать Ло, классики недооценили действительно важную роль, которую играет кредит в развитии производства. Как говорится, вместе с водой выплеснули и ребенка. Можно сказать, что взгляды Ло на кредит по меньшей мере интереснее, чем взгляды Рикардо, хотя в целом Ло несравним с крупнейшим представителем классической буржуазной политической экономии.

Ло не была свойственна вера в предустановленную гармонию “естественного порядка”, во всецелое *laissez faire*. И в этом он проявил чутье на противоречия капитализма. Обострение этих противоречий и заставляло буржуазную науку пересматривать свое отношение к Ло. Его реабилитация во времена Луи Блана и Исаака Перейры оказалась не последней. Новую реабилитацию — разумеется, с других позиций — осуществляют последователи Кейнса, идеологи государственно-монополистического капитализма.

Обе главные идеи Ло — воздействие на экономику через кредитно-финансовую сферу и большая роль государства в экономике — пришлось здесь как нельзя кстати. В начале главы были процитированы слова одного современного автора о сходстве Ло и Кейнса. Это не единичное парадоксальное высказывание. Во Франции, например, вышла книга под названием “Джон Ло и рождение дирижизма”. Дирижизм (от французского *diriger* — управлять) — это французский вариант идеи о государственном регулировании экономики.

В США изменение ставок налогов на капиталистические компании и отдельных лиц может быть произведено лишь с санкции конгресса. Это

старая буржуазно-демократическая мера, ограничивающая исполнительную власть. Нынешние экономические советники правительства точат на этот порядок зубы: маневрирование налогами — важнейшее оружие в арсенале современной экономической политики, и им хотелось бы иметь его в своем полном распоряжении. Здесь вспоминается Ло, который восхищался тем, как легко было решать вопросы в тогдашней Франции: “Это — счастливая страна, где данная мера может быть обсуждена, решена и выполнена за 24 часа, а не в 24 года, как в Англии”. Его не смущало, что Франция была деспотической абсолютной монархией и только по этой причине дело обстояло таким образом.

Глава 6

ДО АДАМА

Эта глава посвящена английской политической экономии от Уильяма Петти до Адама Смита. Она охватывает целое столетие: главные работы Петти написаны в 60-х и 70-х годах XVII в., а смитово “Богатство народов” вышло в 1776 г.

За это столетие произошло полное разложение меркантилизма. Наука прошла большой путь развития — от первых зачатков классической школы до ее оформления в систему, от отдельных, порой случайных, памфлетов до фундаментального “Богатства народов”. Содержание и форма этого сочинения предопределили характер трактатов по экономической теории по крайней мере на столетие вперед.

Маркс писал, что “этот период, изобилующий оригинальными умами, является наиболее важным для исследования постепенного генезиса политической экономии”. Конечно, здесь придется рассказать лишь о немногих из числа выдающихся ученых и писателей, которые кирпич за кирпичом возводили здание классической политической экономии в Англии. Как мы увидим, некоторые их идеи интересны и с точки зрения современных явлений в экономической науке.

XVIII столетие

Период конца XVII — середины XVIII в. в Англии закрепил классовый компромисс между дворянами-землевладельцами и буржуазией. Интересы обоих эксплуататорских классов тесно срастались и переплетались. Дворянство обуржуазивалось, а буржуа становились землевладельцами. Само слово “дворянин” (джентльмен) в Англии XVIII в. в значительной мере потеряло свой прежний смысл.

Сложилась политическая система, которая в своей основе сохраняется до сих пор и которая представляла собой в течение двух веков буржуазно-демократический идеал. Это парламентарная монархия, где король царствует, но не правит; две партии, время от времени сменяющие друг друга у власти; неслыханная в тогдашней Европе свобода личности, печати и слова, которой, однако, могли реально пользоваться лишь привилегированные и богатые слои общества.

Тори, консервативная партия землевладельцев, и виги, либеральная партия высшей просвещенной аристократии и городской буржуазии, начали

свои бесконечные парламентские и предвыборные баталии, которые с тех пор служат излюбленной темой юмористов. Немаловажная функция этих баталий состояла в том, чтобы отвлекать “низшие классы” (так называли авторы XVIII в. крестьян, ремесленников, фабричных рабочих, домашнюю прислугу) от подлинно острых вопросов классовой борьбы.

Политическая борьба в значительной мере потеряла ту религиозную окраску, которую она имела в предыдущем столетии. Наряду с государственной англиканской церковью утвердилось несколько бывших пуританских сект, и Англия стала “островом с сотней религий”. Но это уже не мешало социально-экономическому развитию буржуазной нации. Как замечает английский историк Дж. М. Тревельян, “в то время как религия разъединяла, торговля объединяла нацию, и поэтому приобретала относительно большее значение. С библией теперь соперничал гроссбух”.

Быстро росла империя. Заселялись колонии в Северной Америке, процветали сахарные и табачные плантации в Вест-Индии, были завоеваны Индия и Канада, открыто множество островов в разных концах земного шара. Войны, которые Англия вела против Франции и Испании, были в основном успешны. Голландия была теперь младшим партнером и союзником. Англия стала неоспоримо первой морской и торговой державой мира. В частности, английские купцы почти монопольно захватили в свои руки работорговлю и ежегодно перевозили в Америку многие тысячи негров.

Конечно, в основе всех этих процессов лежали изменения в экономике Англии. Прежде всего, менялась деревня, менялось английское сельское хозяйство, которое в середине века все еще давало примерно в 3 раза больше продукции, чем промышленность. Процесс огораживания земель принял в это время особенно широкие масштабы. Мелкокрестьянское и общинное землевладение постепенно исчезало, уступая место крупным поместьям, которые участками сдавались в аренду состоятельным фермерам. Это способствовало развитию капитализма и в сельском хозяйстве и в промышленности.

Быстро рос класс наемных рабочих, лишенных земельной и иной собственности, не имеющих ничего, кроме своих рабочих рук. Этот класс формировался за счет крестьян, терявших землю или старинное право полуфеодальной аренды, кустарей и ремесленников, которых разоряла конкуренция. Но настоящий фабричный пролетариат составлял еще незначительную часть “низших классов”. В капиталистической эксплуатации было много черт патриархальности, пережитков “доброго старого времени”. Ужасы фабричного рабства еще были впереди.

На другом полюсе вырастал класс промышленных капиталистов. Его пополняли разбогатевшие цеховые мастера-хозяева, купцы, колониальные плантаторы, привозившие в Англию нажитые за морем деньги. Процесс подчинения производства капиталу был сложным: часто капиталисты сначала проникали как скупщики и поставщики сырья в домашние промыслы, потом основывали ремесленные мастерские и фабрики.

Это был конец эры мануфактуры, т. е. ручного производства, основанного на разделении труда. Даже при сохранении прежних примитивных орудий разделение труда и специализация рабочих позволяли увеличивать производительность. Машинная индустрия только зарождалась. Вместе с тем приближалась промышленная революция. Начиналась эпоха

великих изобретений. В 30-х годах были сделаны первые шаги к механизации прядения и ткачества, была открыта плавка чугуна на коксе. В 60-х годах Уатт изобрел паровую машину.

Промышленники для своих предприятий, купцы для заморской торговли, правительство для колониальных войн нуждались в кредите. Возникли и бурно росли банки, акционерные общества, которые собирали денежные капиталы. Значительно увеличился государственный долг. В обиход вошли ценные бумаги и биржа. Рядом с промышленным и торговым капиталистом, основной формой дохода которого является прибыль, появилась полноправная фигура денежного капиталиста, который свою долю прибавочной стоимости получает в форме ссудного процента.

Товарно-денежные отношения уже насквозь пронизывали жизнь нации. Не только торговля, но и производство стало в большой мере капиталистическим. Отчетливее выделились основные классы буржуазного общества. В результате массового повторения социальных явлений достаточно четко определились такие объективные категории, как капитал, прибыль, процент, земельная рента, заработная плата. Все это уже могло стать объектом наблюдения и научного анализа.

С другой стороны, буржуазия тогда еще была самым прогрессивным классом общества. Она пока не видела в растущем рабочем классе своего главного противника. Классовая борьба между ними еще имела зачаточные формы. Так сложились условия для развития буржуазной классической политической экономии в Англии.

Политическая экономия любит робинзонады

В 1719 г. в Лондоне вышло в свет первое издание романа Дефо “Робинзон Крузо”. Судьба “Робинзона” необычна. С одной стороны, это признанный шедевр приключенческого жанра. С другой стороны, литература на многих языках, в которой дается философское, педагогическое и политико-экономическое толкование “Робинзона” и робинзонад, могла бы составить в настоящее время целую библиотеку.

Робинзонада — это созданная воображением мыслителя и писателя ситуация, в которой отдельная человеческая личность (иногда небольшая группа людей) поставлена в условия жизни и труда вне общества. Робинзонада — это, если хотите, экономическая модель, в которой исключаются отношения людей между собой, т. е. общественные отношения, и оставлены только отношения обособленного человека с природой. Политическая экономия любит робинзонады, заметил Маркс. Можно добавить, что к послемарксово-буржуазной политической экономии это относится еще более чем к домарксово-буржуазной.

Несмотря на успех “Робинзона”, который Дефо написал в возрасте почти 60 лет, и успех нескольких других романов, написанных еще позже, он до конца дней считал их безделками. Дефо думал, что посмертную славу ему создадут вышедшие из-под его пера многочисленные политические, экономические и исторические сочинения. Подобная иллюзия не редкость в истории культуры. Кто знал бы Дефо без “Робинзона”? Его изучали бы лишь узкие специалисты. Его сочинения о хозяйстве, торговле и деньгах утонули бы в потоке памфлетной литературы, которая разлилась в Англии к этому времени.

Жизнь Дефо сама похожа на авантюрный роман. Он родился в Лондоне в 1660 г. (эта дата, однако, не бесспорна) и умер там же в 1731 г. Сын мелкого торговца-пуританина, Дефо сам пробил себе путь в жизни благодаря природным способностям, энергии и ловкости. Участник мятежа Мопмута против короля Иакова II в 1685 г., он лишь по счастливой случайности избежал казни или ссылки в колонии. Состоятельный купец к 30 годам, он обанкротился в 1692г., имея долгов на 17 тыс. фунтов стерлингов.

Начав в это время писать политические памфлеты, Дефо вошел в доверие к королю-голландцу Вильгельму III и его приближенным. В 1698 г. он опубликовал экономическое сочинение “Опыт о проектах”, где предлагал ряд смелых экономических и административных реформ.

Вскоре после смерти своего покровителя-короля, в 1703 г., Дефо попал к позорному столбу и в тюрьму за язвительный памфлет против господствующей церкви в защиту диссентеров-пуритан. Дефо был освобожден из тюрьмы (где он провел полтора года и развернул бурную литературную деятельность) лидером партии тори Робертом Харли. В обмен Дефо отдал этой партии и лично Харли свое перо лучшего журналиста эпохи. Он был секретным агентом Харли, ездил с важными и тайными поручениями от него в Шотландию и по разным областям Англии.

Смерть королевы Анны и падение Харли оборвали его карьеру. В 1715 г. он вновь попал в тюрьму по обвинению в политической клевете. Дефо вышел на свободу, опять приняв на себя неблагоприятную задачу — разлагать изнутри враждебную новому правительству печать.

Человек, написавший “Робинзона”, имел богатейший и разнообразнейший жизненный опыт. Этот опыт и наполнил историю о приключениях моряка из Йорка такой глубиной содержания. Дефо не знал ни отдыха, ни покоя до конца жизни. Трудно поверить, что один человек между 60 и 70 годами мог написать несколько больших романов, монументальное экономико-географическое описание Великобритании, ряд исторических сочинений (в том числе историю русского императора Петра I), целую серию книг по демонологии и магии (!) и множество мелких статей и памфлетов на самые разные темы. В 1728 г. он издал экономическое сочинение “План английской торговли”. Даже умереть Дефо не мог спокойно в собственном доме, так как в последние месяцы жизни неутомному старику пришлось скрываться от кредиторов (или от политических врагов — это до сих пор остается неясным).

Таков был человек, положивший начало робинзонадам. Вернемся же к ним, причем ограничимся только экономическими робинзонадами.

В основе буржуазной классической политической экономии лежало представление о *естественном человеке*. Эта идея возникла из неосознанного протеста против “искусственности” феодального общества, где человек опутан всевозможными нерыночными, принудительными связями и ограничениями. Но “естественный” человек нового буржуазного общества, освобожденный от этих связей индивидуалист, подходящий для мира свободной конкуренции и равенства возможностей, Смит и Рикардо, как и их предшественники, представлялся не продуктом длительного исторического развития, а, напротив, его исходным пунктом, воплощением “человеческой природы”.

Пытаясь объяснить поведение этого индивидуалиста в общественном

производстве при капитализме и опираясь на идеи “естественного права”, они обращают свой взгляд не на реальный путь развития общества, а на фантастическую фигуру одиночного охотника и рыболова, т. е. Робинзона. Конечно, при этом конкретный Робинзон Крузо, попавший на необитаемый остров, превращается по воле авторов в нечто аллегорическое и абстрактное, часто в полную условность.

Итак, робинзонада — это попытка исследовать закономерности производства, которое всегда было и может быть только общественным и находящимся на конкретной стадии исторического развития, на абстрактной модели, исключающей самое главное — общество. Маркс дал замечательную по глубине мысли критику робинзонад классической политической экономии. Он замечает, что эта склонность перешла и в “новейшую политическую экономию” Бастиа, Кэри, Прудона: им очень удобно находить экономические отношения, свойственные развитому капитализму, в фантастическом мире “естественного человека”. Прочитируем из Маркса только одну фразу: “Производство обособленного одиночки вне общества — редкое явление, которое может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и *динамически уже содержащим в себе общественные силы* (подчеркнуто мной.— А. А.),— такая же бессмыслица, как развитие языка без *совместно* живущих и разговаривающих между собой индивидуумов”.

Подчеркнутое место интересно в связи с сюжетом “Робинзона Крузо”. Вспомните: Робинзон настолько несет в себе общественные силы, что при изменении обстановки быстро превращается из “естественного человека” сначала в патриархального рабовладельца (Пятница), а потом в феодала (колония поселенцев). Он превратился бы и в капиталиста, если бы его “общество” продолжало развиваться.

Робинзонада оказалась настоящим кладом для субъективной школы в политической экономии, которая пытается рассматривать экономические явления через призму субъективных ощущений и психологии отдельного человека. В гл. 1 уже говорилось, что для этой политической экономии, возникшей в 70-х годах XIX в., в центре внимания стоит “атомистический индивид”. Более подходящей фигуры, чем Робинзон, тут не придумаешь.

Пожалуй, самый характерный пример представляет робинзонада Бем-Баверка, крупнейшего экономиста австрийской субъективной школы. Дважды автор заставляет Робинзона служить исходным пунктом своих построений — в теории стоимости и в теории накопления капитала.

Еще писатели XVII и XVIII столетий догадывались, что стоимость — это общественное отношение, которое существует лишь тогда, когда продукты производятся как товары, для обмена в обществе. Бем-Баверку же, как он сам пишет, для введения понятия стоимости достаточно “колониста, бревенчатая хижина которого стоит в стороне от всех путей сообщения, одиноко в первобытном лесу”. Этот Робинзон имеет пять мешков зерна и полезностью последнего из них измеряет стоимость зерна.

Капитал — общественные отношения между теми, кто владеет средствами производства, и теми, кто лишен их, продает свою рабочую силу и подвергается эксплуатации. Он возникает лишь на определенной стадии общественного развития. Но для Бем-Баверка это просто любые орудия труда в их вещественной форме. Поэтому, пока Робинзон занимается только сбором

дикорастущих плодов, у него нет никакого капитала. Но как только он выделяет часть своего рабочего времени и делает себе лук и стрелы, он становится капиталистом: это первичный акт накопления капитала. Как видим, капитал накапливается путем простого сбережения и ни с какой эксплуатацией не связан.

Традиция с робинзонадами настолько укрепилась в буржуазной политической экономии, что в книге по экономической теории стало положительно трудно обойтись без Робинзона. Современный американский экономист П. Самуэльсон свой учебник начинает с тезиса, что экономические проблемы, стоящие перед Робинзоном, в принципе не отличаются от проблем большого общества.

Парадоксы доктора Мандевиля

В тех же лондонских кофейнях и книжных лавках, где появлялся Дефо, можно было встретить другую колоритную фигуру — доктора Бернарда Мандевиля. Если Дефо был всю жизнь не только писателем, но также предпринимателем и политиканом, Мандевиль принадлежал к нищей литературной богеме. Врач без практики, обитатель бедного квартала, любитель пображничать в веселой компании, Мандевиль пользовался незавидной репутацией. Говорили, что живет он в основном подачками винокуров и пивоваров, которые платят ему за выступления в печати в защиту спиртных напитков.

Бернард Мандевиль родился в Голландии в 1670 г. Окончив в 1691 г. Лейденский университет, он вскоре переселился в Англию, очевидно попав в волну голландских переселенцев, последовавших за штатгальтером Вильгельмом Оранским, который стал после революции 1688—1689 гг. английским королем. Мандевиль женился и поселился в Лондоне, стал англичанином и, прожив жизнь, подробности которой мало известны, умер там же в 1733 г.

Своей славой философа и писателя Мандевиль обязан одному произведению. В 1705 г. он анонимно издал небольшое сочинение в плохих стихах под заглавием “Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными”. Особого внимания эта поэма не привлекла. В 1714 г. Мандевиль опубликовал эти же стихи, добавив к ним объемистое рассуждение в прозе. Теперь это называлось “Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды”. Под таким названием книга Мандевиля и вошла в мировую литературу.

Но и это издание прошло, видимо, незамеченным. Лишь вышедшее в 1723 г. новое издание “Басни о пчелах”, которое носило громкий подзаголовок “Исследование о природе общества”, вызвало ту реакцию, на которую, возможно, и рассчитывал Мандевиль. Суд графства Миддлсекс признал эту книгу “нарушающей общественный порядок”, в печати вокруг нее завязалась полемика, в которой Мандевиль с явным удовольствием принял участие. До смерти автора вышло еще пять изданий, а в 1729 г. он выпустил, кроме того, второй том “Басни о пчелах”.

В монументальном оксфордском издании 1924 г. имеется большой список ссылок на Мандевиля в литературе двух столетий. О нем писали Маркс и Адам Смит, Вольтер и Маколей, Мальтус и Кейнс (последний уже в 1936 г.).

Мандевиль оказал большое влияние на развитие английской политической экономии, прежде всего на Смита и Мальтуса (хотя на словах

оба забавным образом отрекивались от него, как от грубого циника!). Это влияние идет не по линии разработки основных категорий (стоимость, капитал, прибыль и т. д.), а больше по коренной философской позиции, которая легла в основу классической школы.

Главный парадокс Мандевилля содержится во фразе “частные пороки — общественные выгоды”. Поставьте вместо пороков (vices) знаменитый Смитов self-interest (своекорыстный интерес), и вы получите коренное представление Смита о буржуазном обществе: если предоставить каждому индивиду разумно преследовать свой интерес, свою выгоду, то это будет способствовать богатству и процветанию всего общества. Смит так критиковал Мандевилля в своей книге “Теория нравственных чувств”: автор “Басни о пчелах”, мол, неправ лишь в том, что он всякое эгоистическое устремление и действие называет “пороком”. Корыстолюбие, скажем, вовсе не порок.

Но этим значение Мандевилля для истории экономической науки не исчерпывается. В своей сатире он дал ядовитую критику буржуазного общества и одним из первых нащупал некоторые его коренные пороки. В этом и заключалась его “аморальность”. “Честный человек и ясная голова”, — заметил о Мандевиле К. Маркс.

Содержание основной части “Басни о пчелах”, коротко говоря, таково. Пчелиный улей — это, конечно, человеческое общество, вернее, буржуазная Англия времен Мандевилля. Первая часть басни — достойная пера Свифта сатира на нее. Красной нитью проходит мысль: такое общество может существовать и даже процветать лишь благодаря бесчисленным порокам, нелепостям и преступлениям, которые царят в нем. “Процветание” возможно в этом обществе лишь потому, что миллионы людей “обречены трудиться с помощью серпа и лопаты и заниматься всякой иной тяжелой работой, где эти несчастные ежедневно истощают свои силы и тела, чтобы только прокормиться”. Но и эту работу они имеют лишь потому, что богатые любят комфорт и роскошь и тратят массу денег на вещи, потребность в которых часто вызывается лишь модой, фантазией, тщеславием и т. д. Алчные сутяги-юристы, шарлатаны-врачи, ленивые и невежественные попы, драчливые генералы, даже преступники — все они, вопреки здравому смыслу, оказываются необходимы в этом обществе. Почему? Потому, что их деятельность порождает спрос на всевозможные товары и услуги, подталкивает трудолюбие, изобретательность, предприимчивость.

Итак, в этом обществе “роскошь давала занятие миллиону бедняков, а мерзкая гордыня — еще миллиону. Сама зависть и тщеславие служили трудолюбию, а их порождение — непостоянство в пище, убранстве и одежде, этот странный и смешной порок, — стал самым главным двигателем торговли”.

(Ну как тут не вспомнить, к примеру, американские автомобильные компании, которые без всякой технической необходимости меняют ежегодно модели машин, только чтобы сыграть на тщеславии покупателей и любой ценой увеличить сбыт. Руководители этих компаний могли бы вполне согласиться с Мандевилем, что процветание промышленности опирается на “непостоянство” и другие слабости людей, причем эти слабости старательно пестуются).

Но пчелы ропщут на господство порока в их улье, и вот Юпитер, которому надоели их жалобы, внезапно изгоняет всякий порок и делает всех

пчел добродетельными. Бережливость сменяет расточительство. Исчезает роскошь, прекращается потребление всего, что выходит за пределы простых естественных потребностей. Ликвидируются паразитические профессии. Избавившись от шовинизма и склонности к агрессии, они “не держат больше войск за границей, смеются над своим престижем у чужеземцев и над пустой славой, которую приносят войны”.

Одним словом, торжествуют нормальные, здоровые принципы человеческого общежития. Но, о ужас! Именно это несет разруху и гибель обществу, которое Мандевиль изобразил в стихотворной форме:

Сравните улей с тем, что было:
Торговлю честность погубила.
Исчезла роскошь, спесь ушла,
Совсем не так идут дела.
Не стало ведь не только мота,
Что тратил денежки без счета:
Куда все бедняки пойдут,
Кто продавал ему свой труд?
Везде теперь один ответ:
Нет сбыта и работы нет!..
Все стройки прекратились разом,
У кустарей — конец заказам.
Художник, плотник, камнерез —
Все без работы и без средств.

Короче говоря, начинается экономический кризис: растет безработица, товары скопляются на складах, падают цены и доходы, прекращается строительство. Хорошо же общество, в котором для процветания нужны тунеядцы, милитаристы, расточители и мошенники, а такие безусловные добродетели, как миролюбие, честность, бережливость, умеренность, ведут к экономической катастрофе!

Идеи Мандевилля, развитые им в гротескной, парадоксальной форме (более строго они изложены в позднейшей прозаической части “Басни”), выглядят особенно интересно в свете развития политической экономии в последующие столетия. Укажем на два важнейших факта.

Мысль о производительности и экономической необходимости всех классов и слоев (землевладельцев, попов, чиновников и т. д.) была подхвачена Мальтусом и его последователями. В небольшом памфлете, содержащемся в “Теориях прибавочной стоимости”, Маркс использовал для разоблачения этого взгляда мысли и даже стиль Мандевилля. Он пишет: “Уже Мандевиль... доказывал производительность всех возможных профессий... Только Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества”.

Идея о вреде чрезмерной бережливости, о полезности и даже необходимости непроизводительных расходов, любого расточительства, лишь бы это создавало спрос и занятость, была воскрешена и возведена в канон в наше время Кейнсом. Он считал Мандевилля (как и Мальтуса) своим предшественником.

Еще в конце XIX в. буржуазная политическая экономия, не желавшая видеть в капиталистической системе никаких пороков, считала Мандевилля шарлатаном и ловким казуистом. Никому и в голову не приходило осуждать

бережливость, возведенную Адамом Смитом в ранг первой частной и гражданской добродетели. Лишь мировой экономический кризис 1929—1933 гг. направил мысль крупнейших буржуазных экономистов по пути Мандевиля: если люди будут стремиться сберегать, значит, они не будут покупать товары, значит, упадет “эффективный спрос”; надо заставить людей расходовать деньги — любым способом и на любые цели.

Парадоксам доктора Мандевиля уже более 250 лет. Но они живут, так как существует общество, которое он рассматривал своим острым взглядом.

Становление классической школы

Полагают, что впервые курс политической экономии как особой науки начал читать в 1801 г. в Эдинбургском университете Дагалд Стюарт, ученик и друг Смита. Лишь в XIX в. появляется и постепенно становится привычной фигура профессора-экономиста, хотя и после этого важнейший вклад в науку часто делали отнюдь не профессора. Талантливых людей, которые в XVII и XVIII столетиях создавали новую науку, можно разделить на три группы.

Во-первых, это философы, занимавшиеся экономическими вопросами в рамках своих характерных для той эпохи общих систем природы и общества. Наиболее выдающиеся из них в Англии — Томас Гоббс, Джон Локк, Давид Юм и в известном смысле сам Адам Смит; во Франции — Гельвеций, Кондильяк; в Италии — Беккариа.

Во-вторых, это купцы и деловые люди, которые переходили от узкого практицизма торговли к государственным делам и стремились мыслить по-государственному. Здесь можно назвать имена Томаса Мана, Джона Ло, Дадли Норса, Ричарда Кантильона. Во Франции Буагильбер, Тюрго, Гурнэ представляют характерную для этой страны судейско-чиновную ветвь.

Наконец, в-третьих, это разночинцы-интеллигенты, люди разных профессий, иногда переходившие в высший класс, а иногда — нет. Еще Маркс отметил, что теоретической экономией с особым успехом занимались медики: Уильям Петти, Николас Барбон, Бернард Мандевиль, Франсуа Кенэ. Это можно попятить: медицина была единственной естественнонаучной специальностью и привлекала людей мыслящих и энергичных. В XVIII в. среди экономистов появляются духовные лица: аббаты во Франции и Италии (в том числе глубокий и оригинальный итальянский экономист Галиани), англиканские пасторы в Англии (Такер, Мальтус).

Нельзя не оговориться, что эти грани весьма условны и тем более не определяют развитие идей. Но они помогают разобраться в сложном процессе становления науки.

Главный мотив экономических сочинений остается практический: обоснование или критика определенной экономической политики. Но скажем, появившиеся в 60-х годах XVIII в. сочинения Тюрго и Джемса Стюарта резко отличаются от меркантилистских памфлетов XVII и начала XVIII в., это первые попытки систематического и теоретического изложения основ политической экономии.

Кроме того, “практический мотив” надо понимать по-разному. У одних он отражает прямую защиту в печати интересов своего класса и своих личных корыстных интересов. У других — более глубокий процесс научного познания общественных явлений, лишь в сложной и опосредствованной форме учитывающий классовый интерес. Нечего и говорить, что классическая

буржуазная политическая экономия создавалась людьми второго типа. Адам Смит, скажем, не был ни купцом, ни промышленником и не мог для себя лично ожидать выгод от той политики свободы торговли, которую он обосновывал в “Богатстве народов”. Более того, один из парадоксов его жизни заключается в том, что после выхода этой книги он получил доходное место в таможне — учреждении, как раз олицетворявшем собой систему, против которой он боролся.

Вернемся, однако, к нашей теме. При всей яркости своих парадоксов, Мандевиль стоит несколько особняком в истории становления классической школы в Англии. Оно связано в первую очередь с именами Локка (1632—1704) и Норса (1641—1691), выступивших прямыми продолжателями Пегги.

Крупнейший философ XVII в., один из создателей материалистической теории познания, отец буржуазного либерализма — Локк занимает важное место в экономической науке благодаря опубликованному в 1691 г. сочинению, “Некоторые соображения о последствиях понижения процента и повышения ценности денег”. Вместе с тем философия Локка в целом служила основой для построений всей английской политической экономии XVIII и даже начала XIX в. Локк развивал в общественных науках идеи естественного права, которые служили своего рода эквивалентом механистическому материализму Ньютона в естественных науках. Для своего времени эти идеи, как говорилось выше, были прогрессивны, так как вносили в сферу общественных, в частности экономических, явлений принцип объективной закономерности. Даже важный шаг к пониманию прибавочной стоимости Локк сделал с позиций естественного права. Он пишет, что человек естественно должен иметь столько земли, сколько он может обработать своим трудом, и столько других благ (в том числе, очевидно, денег), сколько ему необходимо для личного потребления. Но искусственное неравенство в распределении собственности приводит к тому, что некоторые люди имеют избыток земли и денег; землю они сдают в аренду, а деньги — в ссуду. Земельную ренту и ссудный процент Локк понимал, в сущности, как две схожие формы эксплуататорского дохода.

Своеобразной личностью был Дадли Норе. Младший отпрыск аристократического рода, он в детстве проявил столь скудные способности к наукам, что был отдан (подобно Томасу Ману) в ученики к купцу Левантской компании. Много лет Норе провел в Турции и вернулся оттуда к 40 годам богатым человеком, но, как пишет один автор, “выглядел он варваром и был лишь немного культурнее варвара”. Норе проявил свои янычарские замашки, став в 1683 г., в период торийской реакции при Карле II, шерифом (высшим полицейским чином) в Лондонском Сити. Он верно служил королю и причинил немало зла вигам, за что был удостоен рыцарского звания и стал сэром Дадли. После этого он занимал несколько важных постов, но революция 1688—1689 гг. лишила его шансов на дальнейшую карьеру.

Не обладая, может быть, и десятой долей учености Локка, сэр Дадли отличался исключительной способностью к четкому и смелому экономическому мышлению, не признававшему никаких авторитетов. Его небольшое сочинение “Рассуждения о торговле”, написанное одновременно с работой Локка и посвященное тем же вопросам, — одно из значительных достижений экономической мысли XVII в.

Норс много сделал для развития основного научного метода

политической экономии — логической абстракции: чтобы анализировать экономическое явление, которое всегда бесконечно сложно и имеет бесчисленные связи, надо представить его “в чистом виде”, отвлечься (абстрагироваться) от всех несущественных черт и связей.

У Нorsa имеются первые шаги к пониманию капитала, который он, правда, рассматривал только в виде денежного капитала, приносящего проценты. Он указал, что ссудный процент определяется не количеством денег в стране (как считали меркантилисты и даже Локк), а соотношением между накоплением денежного капитала и спросом на него. Это легло в основу классической теории процента, а из нее далее возникло и понимание категории прибыли. Норе немало способствовал и развитию теории денег.

Но может быть, самое главное у Нorsa состоит в резкой и принципиальной критике меркантилизма, в его решительном выступлении за “естественную свободу”. Поводом для этого послужили его возражения (вслед за Петти и Локком) против принудительного регулирования процента. Однако Норе шел дальше, чем они, в борьбе против меркантилизма. В этом отношении он один из самых прямых предшественников Адама Смита.

Ни Локк, ни Норс не пошли дальше Петти в трудовой теории стоимости. Но в многочисленных сочинениях XVII и XVIII вв. она постепенно развивается и утверждается, подготавливая почву для Смита. Рост разделения труда в обществе, появление новых отраслей производства, расширение товарного обмена — все это укрепляло представление, что люди, в сущности, обмениваются сгустками человеческого труда. Следовательно, соотношения обмена, меновые стоимости товаров должны определяться количеством труда, которое затрачивается на производство каждого товара. Растет сознание того, что земля и орудия производства безусловно участвуют в создании богатства как массы потребительных стоимостей, но не имеют отношения к созданию стоимости.

Эти в принципе правильные представления кристаллизуются из хаоса и путаницы понятий медленно, с большим трудом. Такую тяжелую борьбу формирующихся идей воспроизвел в своем мозгу Адам Смит, и мы попытаемся разобраться в ней ниже. Среди важнейших его предшественников в теории стоимости надо назвать Ричарда Кантильона, Джозефа Харриса, Уильяма Темпла, Джозайю Такера, писавших в 30—50-х годах.

Но с великолепной четкостью, в известном смысле превосходя самого Смита, формулирует трудовую теорию стоимости автор, о личности которого мы решительно ничего не можем сказать, ибо его зовут Аноним 1738 года. Большое число экономических сочинений выходило в XVII и XVIII вв. анонимно. Но авторы одних давно установлены, другие не сыграли в науке заметной роли. Исключение составляет Аноним 1738 года — личность вроде неведомого “мастера жизни Марии” или “мастера легенды святой Урсулы” в истории искусства.

Приведем ключевую цитату из этого сочинения, которое носит скромное название “Некоторые мысли о проценте вообще и о проценте по государственным фондам в особенности”. Чтобы облегчить читателю труд анализа, справа даны комментарии.

“Подлинная и реальная ценность жизненных благ пропорциональна той роли, которую они играют в поддержании жизни человеческого рода. Стоимость же их, когда они обмениваются одно на другое, регулируется

количеством труда, которое необходимо требуется и обычно затрачивается при их производстве. А стоимость или цена их, когда они покупаются и продаются и приводятся к общему знаменателю, определяется количеством затраченного труда и большим или меньшим количеством средств (обращения) или всеобщего мерила. Вода столь же нужна для жизни, как хлеб или

Автор определяет здесь, в сущности, потребительную стоимость.

Дается понятие меновой стоимости, совершенно отличной от потребительной; имеется зачаток идеи об общественно необходимом рабочем времени.

Автор видит отличие цены от стоимости и отмечает, что цена колеблется под влиянием избытка или недостатка денег.

Эта классическая иллюстрация так называемого вино; но десница божия излила ее на человека в таком изобилии, что каждый может иметь ее в достаточном количестве без труда, так что обычно она не имеет цены. воды) необходим труд, прилагаемый лицами, то этот труд должен быть оплачен, хотя сама вода и не оплачивается. И по этой причине в некоторые времена и в некоторых местах бочка воды может стоить столько же, сколько бочка вина”¹«парадокса стоимости» показывает принципиальное различие потребительной и меновой стоимости.

Автор категорически заявляет, что только труд создает стоимость, а не природа.

Другая классическая формулировка трудовой теории Стоимости содержится в экономической работе молодого Бенджамена Франклина, в дальнейшем замечательного ученого-физика и политического деятеля, одного из основателей Соединенных Штатов как независимого государства. Франклин был последователем Петти и в целом ряде вопросов развивал его идеи. В своей статье о бумажных деньгах (1729 г.) он привел напоминающий Петти пример обмена зерна на серебро в соответствии с затрачиваемым в производстве того и другого количеством труда.

Франклин ближе, чем Петти, подошел к идее о равенстве, общности всех различных конкретных видов труда. Он не приписывал труду по добыче драгоценных металлов каких-то особых свойств. Но, как это ни парадоксально, глубокое и искреннее уважение Франклина к труду каким-то образом мешало ему развить трудовую теорию стоимости дальше: такое развитие требовало известного понимания природы денег как особого товара, являющегося всеобщим эквивалентом и потому наиболее непосредственно выражающего абстрактный труд, который создает стоимость. Он же скорее толкует деньги как нечто привнесенное в процесс обмена просто ради технического удобства.

В связи с развитием теории стоимости идет прогресс и в других важнейших областях. Разрабатывая идею Петти о том, что заработная плата наемных рабочих в конечном счете определяется минимумом средств их существования, экономисты ближе подходят к пониманию природы этого минимума. Занимаясь вопросами народонаселения, они в какой-то мере уясняют себе механизм, который обеспечивает такое воспроизводство рабочей силы, при котором конкуренция между рабочими сводит заработную плату к прожиточному минимуму.

В толковании капитала и дохода на капитал важным шагом было размежевание торгово-промышленной прибыли и ссудного процента. Джозеф Мэсси и Давид Юм, писавшие в 50-х годах, уже ясно понимают, что процент в нормальных условиях — это часть прибыли: купец и промышленник вынуждены делиться с владельцем денег, ссудного капитала.

Таким образом, досмитова политическая экономия, по существу, рассматривает прибавочную стоимость, не понимая, однако, ее природу и трактуя ее лишь в особых формах прибыли и процента, а также земельной ренты

Давид Юм

В марте и апреле 1776 г. Юм, будучи смертельно болен и зная это, спешил написать историю своей жизни. Он прожил после этого четыре месяца. Автобиография была опубликована вскоре после смерти Юма вместе с коротким письмом-предисловием Адама Смита, его ближайшего друга на протяжении четверти века. Смит описывал последние месяцы жизни философа. Юм умирал с завидным спокойствием духа и незаурядной твердостью. Человек общительный и веселый, он сохранял эти черты до конца, хотя болезнь превратила его из толстяка в живой скелет.

Это письмо интересно не только как человеческий документ. Оно

сыграло своеобразную роль в политической экономии. Из письма Смита было совершенно ясно, что Юм, уже имевший репутацию безбожника, умирал отнюдь не как богобоязненный христианин — с раскаянием и мыслями о лучшем мире за гробом. И Смит явно разделял этот языческий дух.

Неудивительно, что и на мертвого Юма и на живого Смита обрушилась ярость церковников. Только что тогда опубликованное “Богатство народов” Смита было замечено вначале лишь узким кругом образованных людей. Но возникшая теперь вокруг имен Юма и Смита перепалка, которая для самого Смита, человека осторожного и скромного, была неприятной неожиданностью, привлекла общее внимание к книге. Поскольку она соответствовала духу времени, издания последовали одно за другим, а лет через десять “Богатство народов” стало библией английской политической экономии.

Но Юм прокладывал дорогу Смигу и в ином смысле. В небольших, блестящих по форме эссе Юма, в основном опубликованных в 1752 г., как бы кратко подводился итог некоторым достижениям досмитовой классической школы в борьбе с меркантилизмом. Они сыграли немалую роль в подготовке умов к “Богатству народов”.

Давид Юм, как Ло и Смит, был шотландцем. Он родился в 1711 г. в Эдинбурге и был младшим сыном в небогатой дворянской семье. Юм вынужден был сам пробивать себе дорогу в жизни, полагаясь главным образом на свое искусное перо. Усердием и бережливостью — этими традиционными добродетелями шотландцев — он обладал в полной мере.

В 28 лет Юм издал свое главное философское сочинение — “Трактат о человеческой природе”, которое впоследствии сделало его одним из самых видных британских философов XVIII в. Философия Юма получила позже название агностицизма. Вслед за Локком Юм утверждал, что ощущения — важнейший источник знаний человека о материальных вещах, но сами эти внешние вещи (т. е. материю) он считал принципиально не познаваемыми до конца. Юмизм пытается найти себе место где-то посередине между материализмом и идеализмом, но, признавая непознаваемость мира, неизбежно скатывается к последнему. Юм критически относился к религии и внес немалый вклад в борьбу с мракобесием. Но он не был последовательным атеистом, а его философия открывала лазейку для “примирения” науки и религии.

Книга Юма первоначально не имела успеха. Он приписал это ее сложности и занялся популяризацией своих идей в небольших по объему очерках. Кроме того, он обратился к философии общества. Первый успех ему принесли политические и экономические сочинения, а европейскую славу — многотомная “История Англии”, над которой Юм работал в 50-х годах в мертвой тишине библиотеки Эдинбургской коллегии адвокатов, где он занимал должность хранителя. Как историк, Юм выступил сторонником тори — партии землевладельцев, к которым примыкала консервативная буржуазия. Утонченный интеллигент, “аристократ духа”, Юм не любил “вигскую чернь”, презирал грубость лавочников и тупость пуритан, а лондонских богачей-финансистов называл “варварами с берегов Темзы”.

В 1763—1765 гг. Юм жил в Париже, будучи секретарем английского посольства. Он пользовался большой популярностью в салонах и был другом многих деятелей французского Просвещения, особенно д'Аламбера и Тюрго. Потом Юм занимал дипломатический пост в Лондоне. Свои последние годы

Юм провел в Эдинбурге, находясь в центре кружка друзей — ученых и литераторов.

Экономические сочинения Юма содержат немало интересных мыслей и наблюдений. Например, он, видимо, первый указал, выражаясь современным экономическим языком, на наличие лагов (отставаний) в процессе повышения цен под влиянием увеличения денег в обращении. Юм особо отметил, что среди цен всех товаров в последнюю очередь повышается “цена труда”, т. е. заработная плата рабочих. Эти важные закономерности помогают понять социальные и экономические процессы, происходящие при бумажно-денежной инфляции.

Юм наиболее полно в XVIII в. развил мысль о том, что золото и серебро естественным образом распределяются между странами, а торговый баланс каждой страны стихийно стремится в конечном счете к равновесию. Идея естественного равновесия, свойственная всей классической школе, вообще сильно выражена у Юма. На этом Юм основывал свою критику меркантилизма с его политикой искусственного привлечения и удержания драгоценных металлов. Концепция естественного уравнивания торговых (точнее, платежных) балансов была далее развита Рикардо. В очерке о нем мы вернемся к этой концепции.

Однако даже верные наблюдения Юма связаны у него с пониманием денег, которое находится во внутреннем противоречии с трудовой теорией стоимости. Юм, подобно французам, обходился вообще без теории стоимости; в этом, может быть, сказывался его философский агностицизм и скептицизм.

В политической экономии Юм известен прежде всего как один из создателей *количественной теории денег*. Юм и другие авторы, выдвигавшие схожие взгляды, исходили из исторического факта так называемой революции цен. После того как золото и серебро из Америки потекло в XVI—XVIII вв. в Европу, уровень цен товаров там постепенно поднялся. По оценке самого Юма, цены в среднем повысились в 3—4 раза. Отсюда Юм делал, казалось бы, очевидный вывод: стало больше денег (полноценных металлических!), вот и цены соответственно поднялись.

Но, как говорится, внешность обманчива. Ведь весь ход этого процесса можно и нужно объяснить иначе. Открытие богатых рудников вызвало снижение затрат труда на добычу драгоценных металлов и, следовательно, падение их стоимости. Поскольку стоимость денег по отношению к товарам упала, цены товаров повысились.

Юм считал, что в обращении может находиться какое угодно количество полноценных металлических денег, а “стоимость” денег (попросту говоря, товарные цены) устанавливается в процессе обращения, когда куча товаров сталкивается с грудой денег.

На самом деле и деньги и товары вступают в обращение со стоимостью, уже определенной общественно необходимыми затратами труда. Раз это так, то в обращении — при данной скорости оборота денег — может находиться лишь определенное количество денег. Избыток, если он образуется, уйдет за границу или в сокровище.

Другое дело — бумажные деньги. Они никуда из обращения уйти не могут. Покупательная сила каждой бумажки действительно зависит (наряду с другими факторами) от количества этих бумажек. Если их выпустить больше, чем необходимое для обращения количество полноценных металлических денег, то они обесценятся. Это называется, как известно, инфляцией. Юм,

рассматривая золото и серебро, в сущности, описывал явления бумажно-денежного обращения.

Заслуга Юма состоит в том, что он привлек внимание к проблемам, играющим и теперь большую роль в политической экономии: чем определяется количество денег, необходимое для обращения? Как влияет количество денег на цены? Какова специфика ценообразования при обесценении денег?

Глава 7

ДОКТОР КЕНЭ И ЕГО СЕКТА

Призвание (и признание) приходит к людям по-разному. Ньютон в 20 лет твердо знал, что будет философом, математиком и физиком, а в 25 сделал замечательные открытия. А, скажем, Марат до 50 лет был врачом и увлекался химическими опытами, тогда как его политические сочинения были почти незаметны; но революция сделала из него трибуна и вождя.

Франсуа Кенэ был тоже врачом и естествоиспытателем. Он жил в другую эпоху и был иным человеком, чем Марат, и стал не трибуном, а кабинетным мыслителем-экономистом. Кенэ — крупнейший французский политикозконом XVIII в. Политической экономией он занялся, когда ему было под 60. К этому времени он был уже автором нескольких десятков медицинских сочинений. Последние годы своей жизни (он дожил до 80 лет) Кенэ провел в тесном кругу друзей, учеников и последователей. Это был человек, к которому применимы слова Ларошфуко: “Уметь быть старым — это искусство, которым владеют лишь немногие”. Кто-то из его знакомых сказал: у него 30-летняя голова на 80-летнем туловище.

Век Просвещения

Фридрих Энгельс писал: “Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него”.

В блестящей когорте мыслителей XVIII в. почетное место занимают Кенэ и Тюрго, создавшие буржуазную классическую французскую политэкономия.

Основой Просвещения было то, что грязный лед феодализма начал пучиться и трещать под напором новых социальных сил. Просветители надеялись, что этот лед постепенно растает под яркими лучами солнца — освобожденного человеческого разума. Этого не случилось. Все вздыбилось грозным ледоломом революции, а те из младшего поколения просветителей, в том числе и экономистов-физиократов, кто дожил до этого, в страхе отшатнулись от раскрывшейся пучины народной ярости.

Кенэ ближе других просветителей соприкасался с материальной, производственной базой общества. Французская экономика середины XVIII в., когда началась научная деятельность Кенэ, не слишком отличалась от экономики начала столетия, когда писал Буагильбер. Это была по-прежнему

крестьянская страна, и положение крестьянства едва ли улучшилось за полвека. Как и Буагильбер, Кенэ начинает свои экономические сочинения описанием бедственного состояния французского сельского хозяйства. В статье “Фермеры”, опубликованной в 1756 г. в знаменитой “Энциклопедии” Дидро и д'Аламбера, он говорит “об огромной деградации сельского хозяйства Франции”.

Но кое-что изменилось за полвека. Возник и стал развиваться, особенно в Северной Франции, класс капиталистических фермеров, которые либо имели землю в собственности, либо арендовали ее у помещиков. С этим классом Кенэ связывал свои надежды на прогресс сельского хозяйства, а такой прогресс он справедливо считал основой здорового экономического и политического развития общества в целом.

Франция изнемогала от бессмысленных разорительных войн: так называемой войны за Австрийское наследство (1740—1748 гг.) и особенно Семилетней войны (1756—1763 гг.). В этих войнах она потеряла почти все свои заморские владения и выгодную торговлю с ними. Ослабли и ее позиции в Европе. Промышленность обслуживала в первую очередь нелепую роскошь и расточительство двора и высших классов, тогда как крестьянство обходилось в большой мере изделиями домашнего ремесла. Скандальный крах системы Ло тормозил развитие кредита и банкового дела. В глазах многих людей, выражавших общественное сознание во Франции середины XVIII в., промышленность, торговля, финансы были некоторым образом скомпрометированы. Земледелие казалось последним прибежищем мира, благополучия и естественности.

Если Ло был романтиком кредита, то Кенэ стал романтиком земледелия, хотя в его личности и характере не было решительно ничего романтического. Впрочем, недостаток этого у учителя искупал избыток энтузиазма у некоторых его учеников, особенно у маркиза Мирабо.

Нация увлекалась земледелием, но увлекалась по-разному. О нем стало модно говорить при дворе, в Версале устраивались кукольные фермы. В провинции возникло несколько обществ поощрения агрикультуры, которые пытались внедрять “английские”, т. е. более производительные, методы хозяйства. Стали выходить агрономические сочинения.

В этих условиях идеи Кенэ быстро нашли отклик, хотя его интерес к земледелию был иного рода. Опираясь на свое представление о земледелии как единственной производительной сфере хозяйства, Кенэ и его школа разработали программу экономических реформ, носивших антифеодальный характер. Их пытались проводить впоследствии Тюрго. Их в значительной мере осуществила революция.

Кенэ и его последователи были, в сущности, гораздо менее революционны и демократичны, чем основное ядро просветителей во главе с Дидро, не говоря уже об их левом крыле, из которого вышел позже утопический социализм. Как писал французский историк прошлого века Токвиль, они были “люди кротких и спокойных нравов, люди благомыслящие, честные должностные лица, искусные администраторы”. Даже пылкий энтузиаст Мирабо хорошо помнил ходячее изречение одного остроумца тех времен: во Франции искусство красноречия состоит в том, чтобы говорить все и не попасть в Бастилию. Правда, он однажды все же попал на несколько дней под арест, но влиятельный доктор Кенэ быстро вытащил его из тюрьмы, а кратковременное заключение только упрочило его

популярность. После этого он стал осторожнее.

Но объективно деятельность физиократов была весьма революционна и подрывала устои “старого порядка”. Маркс в “Теориях прибавочной стоимости” писал, например, что Тюрго — “в смысле прямого влияния — является одним из отцов французской революции”.

Медик Маркизы Помпадур

Фаворитке было немногим более тридцати, но она уже теряла расположение ветреного и сластолюбивого монарха. Позже она взяла на себя управление его гаремом и таким образом все же до конца удержалась у власти. Рядом с двумя самыми могущественными людьми во Франции стоял доктор Кенэ, личный врач маркизы и один из медиков короля. Много государственных и интимных тайн знал этот сутулый, скромно одетый человек, всегда спокойный и слегка насмешливый. Но доктор Кенэ умел молчать, и это его качество ценилось не меньше, чем профессиональное искусство.

Король любил бордо, но по требованию Кенэ, который считал это вино слишком тяжелым для монаршего желудка, был вынужден отказаться от него. Однако за ужином он выпивал столько шампанского, что порой едва держался на ногах, отправляясь в покои маркизы. Несколько раз ему делалось дурно, на этот случай Кенэ всегда был под рукой. Простыми средствами он облегчал состояние пациента, одновременно успокаивая маркизу, которая дрожала от страха: что будет, если король умрет в ее постели? Ее завтра же обвинят в убийстве! Кенэ деловито говорил: такой опасности нет, королю только 40 лет; вот если бы ему было 60, то он не поручился бы за его жизнь. Многоопытный, умный доктор, лечивший на своем веку крестьянок и дворянок, лавочниц и принцесс, понимал Помпадур с полуслова.

В медицине Кенэ предпочитал простые и естественные средства, во многом полагаясь на природу. Его общественные и экономические идеи вполне соответствовали этой черте характера. Ведь само придуманное им слово *физиократия* означает власть природы (от греческих слов “физис” — природа, “кратос” — власть).

Людовик XV благоволил к Кенэ и называл его “мой мыслитель”. Он дал доктору дворянство и сам выбрал для него герб. В 1758 г. король собственноручно сделал на ручном печатном станке, который завел доктор для его физических упражнений, первые оттиски “Экономической таблицы” — сочинения, впоследствии прославившего имя Кенэ. Но Кенэ не любил короля и в глубине души считал его опасным ничтожеством. Это был совсем не тот государь, о котором мечтали физиократы: мудрый и просвещенный блюститель законов государства.

Исподволь, пользуясь своим постоянным пребыванием и влиянием при дворе, он пытался сделать такого государя из дофина — сына Людовика XV и наследника престола, а после его смерти — из нового дофина, внука короля и будущего Людовика XVI. Сохранился такой анекдот. Дофин (сын короля) стал жаловаться Кенэ на трудность обязанностей монарха. “Монсеньер, я этого не нахожу”, — отвечал доктор. Дофин: “А что бы вы делали, если бы были королем?” Кенэ: “Я бы ничего не делал”. Дофин: “Но кто же управлял бы?” Кенэ: “Законы!” О нем имеется много подобных рассказов. За достоверность их трудно ручаться, но они, видимо, неплохо передают характер этого своеобразнейшего человека.

Франсуа Кенэ родился в 1694 г. в деревне Мерз, недалеко от Версаля, и был восьмым из 13 детей Никола Кенэ. В свое время считалось, что Кенэ-отец был адвокатом или судебским чиновником. Но потом выяснилось, что эту версию дал зять доктора Кенэ врач Эвен, опубликовавший вскоре после его смерти первую биографию своего, тестя и стремившийся хоть немного облагородить его происхождение. Теперь документально доказано, что Никола был простым крестьянином и заодно занимался мелкой торговлей.

До 11 лет Франсуа не знал грамоты. Потом какой-то добрый человек, огородник-поденщик, научил его читать и писать. Дальше — ученье у сельского кюрэ и в начальной школе в соседнем городке. Все это время ему приходилось тяжело работать в поле и дома, тем более что отец умер, когда Франсуа было 13 лет. Согласно рассказу Эвена, страсть мальчика к чтению была такова, что он мог иной раз выйти на заре из дому, дойти до Парижа, выбрать нужную книгу и к ночи вернуться домой, отмахав десятки километров. Это говорит также об истинно крестьянской выносливости. Кенэ до конца дней сохранил крепкое здоровье, если не считать подагры, которая сравнительно рано начала его мучить.

В 17 лет Кенэ решил стать хирургом и поступил подручным к местному эскулапу. Главное, что он должен был уметь делать,— это открывать кровь: кровопускание было тогда универсальным способом лечения. Как бы плохо ни учили в то время, Кенэ учился усердно и серьезно. С 1711 по 1717 г. он живет в Париже, одновременно работая в мастерской гравера и практикуя в госпитале. К 23 годам он уже настолько стоит на собственных ногах, что женится на дочери парижского бакалейщика с хорошим приданым, получает диплом хирурга и начинает практику в городке Мант, недалеко от Парижа. Кенэ живет в Манте 17 лет и благодаря своему трудолюбию, искусству и особой способности внушать людям доверие становится популярнейшим врачом во всей округе. Он принимает роды (этим Кенэ особенно славился), открывает кровь, рвет зубы и делает довольно сложные по тем временам операции. В числе его пациентов постепенно оказываются местные аристократы, он сближается с парижскими светилами, выпускает несколько медицинских сочинений.

В 1734 г. Кенэ, вдовец с двумя детьми, покидает Мант и по приглашению герцога Виллерау занимает место его домашнего врача. В 30-х и 40-х годах он отдает много сил борьбе, которую вели хирурги против “факультета” — официальной ученой медицины. Дело в том, что согласно старинному статуту хирурги были объединены в один ремесленный цех с цирюльниками, и им было запрещено заниматься терапией. Кенэ становится во главе “хирургической партии” и в конце концов добивается победы. В это же время Кенэ выпускает свое главное естественнонаучное сочинение, своего рода медико-философский трактат, где трактуются основные вопросы медицины: о соотношении теории и врачебной практики, о медицинской этике и др.

Важным событием в жизни Кенэ был переход в 1749 г. к маркизе Помпадур, которая “выпросила” его у герцога. Кенэ обосновался на антресолях Версальского дворца, которым было суждено сыграть важную роль в истории экономической науки. К этому времени Кенэ был уже, разумеется, очень состоятельным человеком. Достаточно сказать, что поместье, которое он купил после получения дворянства и где поселился его сын с семьей, стоило 118 тыс. ливров.

Медицина занимает большое место в жизни и деятельности Кенэ. По мосту философии он перешел от медицины к политической экономии. Человеческий организм и общество. Кровообращение или обмен веществ в человеческом теле и обращение продукта в обществе. Эта биологическая аналогия вела мысль Кенэ, и она остается небесполезной до сих пор.

В своей квартире на антресолях Версальского дворца Кенэ прожил 25 лет и был вынужден съехать оттуда лишь за полгода до своей смерти, когда умер Людовик XV и новая власть выметала из дворца остатки прошлого царствования. Квартира Кенэ состояла всего из одной большой, но низкой и темноватой комнаты и двух полутемных чуланов. Тем не менее она скоро стала одним из любимых мест сборищ “литературной республики” — ученых, философов, писателей, сплотившихся в начале 50-х годов вокруг “Энциклопедии”. Здесь часто бывали Дидро, д'Аламбер, Бюффон, Гельвеций, Кондильяк. Это не были большие блестящие обеды в особняке барона Гольбаха — “генеральные штаты” философии, а более скромные и интимные собрания. Позже, когда вокруг Кенэ сплотилась его секта, собрания приняли несколько иной характер: за стол садились в основном ученики и последователи Кенэ или люди, которых они представляли мэтру. В 1766 г. здесь провел несколько вечеров Адам Смит.

Каков был Кенэ?

Из множества довольно разноречивых свидетельств современников складывается образ лукавого мудреца, слегка таящего свою мудрость под личиной простоватости; его сравнивали с Сократом. Говорят, он любил притчи с глубоким и не сразу понятным смыслом. Он был очень скромен и лично не честолюбив: без всякого сожаления Кенэ часто отдавал своим ученикам честь публикации его идей. Внешне он был даже неприметен, и новый человек, попав в его “антресольный клуб”, мог не сразу понять, кто же здесь хозяин и председатель. “Умен, как дьявол”, — сказал брат маркиза Мирабо, побывав у Кенэ. “Хитер, как обезьяна”, — заметил какой-то придворный, выслушав одну из его побасенок. Таков он на портрете, написанном в 1767 г.: некрасивое плебейское лицо с иронической полуулыбкой и умными, пронизывающими глазами.

Новая наука

Крестьянин, вспахав, удобрив и засеяв участок земли, собрал урожай. Он засыпал семена, отложил зерно на пропитание семьи, часть продал для приобретения самых необходимых городских товаров и с удовлетворением убедился, что у него еще есть какой-то избыток. Что может быть проще этой истории? А между тем именно подобные вещи натолкнули доктора Кенэ на разные мысли.

Кенэ хорошо знал, что будет с этим избытком: крестьянин отдаст его деньгами или натурой сеньору, королю и церкви. Он даже оценивал в одной из своих работ долю каждого получателя: сеньору — четыре седьмых, королю — две седьмых, церкви — одну седьмую. Возникают два вопроса. Первый: по какому праву эти трое с ложкой забирают у одного с сошкой значительную часть его урожая или дохода? Второй: откуда взялся избыток?

На первый вопрос Кенэ отвечал примерно так. О короле и церкви нечего говорить: это, так сказать, от бога. Что касается сеньоров, то он находил своеобразное экономическое объяснение: их ренту можно, видите ли, рассматривать как законный процент на некие “поземельные авансы” (avances

foncières) — капиталовложения, якобы сделанные ими во время оно для приведения земли в пригодное для обработки состояние. Трудно сказать, верил ли в это сам Кенэ. Во всяком случае, он не представлял себе земледелие без помещиков. Ответ на второй вопрос казался ему еще очевиднее. Земля, природа дала этот избыток! Столь же естественным образом он и достается тому, кто владеет землей.

Избыток сельскохозяйственного продукта, который образуется за вычетом всех издержек его производства, Кенэ называл *чистым продуктом* (produit net) и анализировал его производство, распределение и оборот. Чистый продукт физиократов — это ближайший прообраз прибавочного продукта и прибавочной стоимости, хотя они односторонне сводили его к земельной ренте и считали естественным плодом земли. Однако их огромной заслугой было то, что они “перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа капиталистического производства”.

Почему Кенэ и физиократы обнаружили прибавочную стоимость только в земледелии? Потому, что там процесс ее производства и присвоения наиболее нагляден, очевиден. Его несравненно труднее разглядеть в промышленности. Суть дела заключается в том, что рабочий в единицу времени создает больше стоимости, чем стоит его собственное содержание. Но рабочий производит совсем не те товары, которые он потребляет. Он, может быть, всю жизнь делает гайки и винты, а ест он хлеб, порой мясо и, весьма вероятно, пьет вино или пиво. Чтобы разглядеть тут прибавочную стоимость, надо знать, как привести гайки и винты, хлеб и вино к какому-то общему знаменателю, т. е. иметь понятие о стоимости товаров. А такого понятия Кенэ не имел, оно его просто не интересовало.

Прибавочная стоимость в земледелии кажется даром природы, а не плодом неоплаченного человеческого труда. Она непосредственно существует в натуральной форме прибавочного продукта, особенно в хлебе. Строя свою модель, Кенэ брал в нее не бедного крестьянина-испольщика, а скорее своего излюбленного фермера-арендатора, который имеет рабочий скот и простейшее оборудование, а также нанимает батраков.

Размышления над хозяйством такого фермера толкнули Кенэ на известный анализ капитала, хотя слово “капитал” мы у него не встретим. Он понимал, что, скажем, затраты на осушение земли, строения, лошадей, плуги и бороны — это один тип авансов, а на семена и содержание батраков — другой. Первые затраты делаются раз в несколько лет и окупаются постепенно, вторые — ежегодно или непрерывно и должны окупаться каждым урожаем. Соответственно Кенэ говорил о первоначальных авансах — *avances primitives* (мы называем это основным капиталом) и ежегодных авансах — *avances annuelles* (оборотный капитал). Эти идеи были подхвачены и развиты Адамом Смитом. Теперь это азбука экономиста, но для своего времени такой анализ был огромным достижением. Маркс начинает исследование физиократии в “Теориях прибавочной стоимости” такой фразой: “Существенная заслуга физиократов состоит в том, что они в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*. Эта-то заслуга и делает их настоящими отцами современной политической экономии”.

Введя эти понятия, Кенэ создал основу для анализа оборота и воспроизводства капитала, т. е. постоянного возобновления и повторения

процессов производства и сбыта, что имеет огромное значение для рационального ведения хозяйства. Сам термин *воспроизводство*, играющий такую важную роль в марксистской политической экономии, был впервые использован Кенэ.

Кенэ дал такое описание классовой структуры современного ему общества: “Нация состоит из трех классов граждан: *класса производительного, класса собственников и класса бесплодного*”.

Странная на первый взгляд схема! Но она очень логично вытекает из основ учения Кенэ и отражает как его достоинства, так и недостатки. Производительный класс — это, конечно, земледельцы, которые не только возмещают затраты своего капитала и кормят себя, но и создают чистый продукт. Класс собственников — это получатели чистого продукта: помещики, двор, церковь, а также вся их челядь. Наконец, бесплодный класс — это все прочие, т. е. люди, говоря словами Кенэ, “выполняющие другие занятия и другие виды труда, не относящиеся к земледелию”.

Как понимал Кенэ это бесплодие? Ремесленники, рабочие, торговцы у него бесплодны совсем в ином смысле, чем земельные собственники. Первые, разумеется, работают. Но своим трудом, не связанным с землей, они создают ровно столько продукта, сколько потребляют, они только преобразуют натуральную форму продукта, создаваемого в земледелии. Кенэ считал, что эти люди находятся как бы на заработной плате у двух остальных классов. Напротив, собственники не работают. Но зато они собственники земли, единственного фактора производства, который Кенэ считал способным увеличивать богатство общества. В присвоении чистого продукта и состоит их социальная функция.

Недостатки этой схемы велики. Достаточно сказать, что рабочие и капиталисты как в промышленности, так и в сельском хозяйстве зачисляются у Кенэ в один и тот же класс. Уже Тюрго отчасти исправил эту нелепость, а Смит полностью опроверг ее.

Или другая немаловажная деталь. Если капиталист получает только своего рода зарплату, то как, из чего может он накапливать капитал? Чтобы объяснить это, Кенэ делает такой фокус. Он говорит, что нормально, экономически “законно” только накопление из чистого продукта, т. е. из дохода землевладельцев. Фабрикант же или купец могут накапливать лишь не совсем “законным” способом, урывая что-то из своей “зарплаты”. Отсюда берет свое начало апологетическая теория накопления путем воздержания капиталистов. Вообще Кенэ видел в обществе прежде всего сотрудничество классов. Не случайно Шумпетер замечает, что Кенэ “утверждал всеобщую гармонию классовых интересов, и это делает его предшественником гармонизма XIX века (Сэй, Кэри, Бастиа)”.

Но к этому учение Кенэ, конечно, не сводится. Посмотрим, какие практические выводы вытекали из него. Естественно, что первой рекомендацией Кенэ было всемерное поощрение земледелия в форме крупного фермерского хозяйства. Но далее следовали по меньшей мере две другие рекомендации, которые выглядели в то время не так безобидно. Кенэ считал, что налогом надо облагать только чистый продукт, как единственный подлинный экономический “излишек”. Любые другие налоги обременяют хозяйство. Что же получалось? Те самые феодалы, на которых Кенэ возлагал столь важные и почетные социальные функции, должны были на деле платить все налоги. В тогдашней Франции дело обстояло как раз наоборот: они не

платили никаких налогов. Кроме того, говорил Кенэ, поскольку промышленность и торговля находятся “на содержании” у земледелия, надо, чтобы это содержание обходилось возможно дешевле. А это будет при том условии, если отменить или хотя бы ослабить все ограничения и стеснения для производства и торговли. Физиократы выступили сторонниками *laissez faire*.

Таково было в главных чертах учение Кенэ. Такова была физиократия. При всех ее недостатках и слабостях это было цельное экономическое и социальное мировоззрение, прогрессивное для своего времени и в теории и на практике.

Кенэ не написал, в отличие от Смита или Рикардо, свой, как любили говорить в то время, *magnum opus*. Его идеи рассеяны во многих небольших по объему сочинениях и в работах его учеников и единомышленников. Собственные его произведения публиковались в разной форме и часто анонимно на протяжении 1756—1768 гг., а некоторые остались в рукописи, были разысканы и увидели свет лишь в XX в. Современному читателю нелегко разобраться в сочинениях Кенэ, хотя они умещаются в один не очень толстый том: его основные идеи многократно воспроизводятся и повторяются с трудно уловимыми оттенками и вариациями. Можно сказать, что самое главное содержится в двух работах, опубликованных в последние годы литературной деятельности Кенэ и в период высшего расцвета физиократии. Это “Анализ арифметической формулы Экономической таблицы” (1766 г.) и “Общие принципы экономической политики земледельческого государства” (1768 г.).

В том же 1768 г. ученик Кенэ Дюпон де Немур опубликовал сочинение под заголовком “О происхождении и прогрессе новой науки”. В этом сочинении подводились итоги развития физиократии за 10 лет. Возможно, он вкладывал в это заглавие не тот смысл, какой видим в нем мы. Но история доказала, что он метко попал в цель: трудами Кенэ действительно была в основном создана новая наука — политическая экономия в ее классическом французском варианте.

Физиократы

Особенность физиократии состояла в том, что ее буржуазная сущность скрывалась под феодальной оболочкой. Хотя Кенэ и собирался обложить чистый продукт единым налогом, в основном он обращался к просвещенному интересу власть имущих, обещая им рост доходности земель и укрепление земельной аристократии.

Эта “хитрость” была в духе его характера. Вот что говорил он своим друзьям, имея в виду сильных мира сего — короля, министров, аристократов: “Если я буду читать им мораль, они не станут слушать меня, заявив, что я философ-мечтатель, или подумают, что я хочу распоряжаться ими, и пошлют меня к черту. Я же, напротив, ограничиваюсь тем, что говорю им: вот ваш интерес, интерес вашей власти, ваших развлечений и вашего богатства. Тогда они прислушаются к этому как к речи друга”.

И «хитрость» эта удалась в удивительной мере. Дело тут, конечно, не только в слепоте тех, о ком говорит Кенэ. Дело в том, что спасти земельную аристократию действительно могли только буржуазные реформы, как это случилось, — правда, в других условиях — в Англии. А в рецепте старого доктора Кенэ это горькое лекарство было изрядно подслащено и скрыто под

привлекательной оберткой!

По этой причине школа физиократов в первые годы имела немалый успех. Ей покровительствовали герцоги и маркизы, иностранные монархи проявляли к ней интерес. И в то же время ее высоко ценили философы-просветители, в частности Дидро. Физиократам сначала удалось привлечь симпатии как наиболее мыслящих представителей аристократии, так и растущей буржуазии. С начала 60-х годов кроме версальского «антресольного клуба», куда допускались только избранные, открылся своего рода публичный центр физиократии в доме маркиза Мирабо в Париже. Здесь ученики Кенэ (сам он не часто бывал у Мирабо) занимались пропагандой и популяризацией идей мэтра, вербовали новых сторонников. В ядро секты физиократов входили молодой Дюпон де Немур, Лемерсье де ла Ривьер и еще несколько человек, лично близких к Кенэ. Вокруг ядра группировались менее близкие к Кенэ члены секты, разного рода сочувствующие и попутчики. Особое место занимал Тюрго, отчасти примыкавший к физиократам, но слишком крупный и самостоятельный мыслитель, чтобы быть только рупором мэтра. То, что Тюрго не смог втиснуться в прокрустово ложе, срубленное плотником с версальских антресолей, заставляет нас с иной стороны посмотреть на школу физиократов и ее главу.

Конечно, единство и взаимопомощь учеников Кенэ, их безусловная преданность учителю не могут не вызывать уважения. Но это же постепенно становилось слабостью школы. Вся ее деятельность сводилась к изложению и повторению мыслей и даже фраз Кенэ. Его идеи все более застывали в виде жестких догм. На вторниках Мирабо свежая мысль и дискуссия все более вытеснялись какими-то ритуальными обрядами. Физиократия превращалась в своего рода религию, особняк Мирабо — в ее храм, а вторники — в богослужения.

Секта в смысле группы единомышленников превращалась в секту в том отрицательном смысле, какой мы вкладываем в это слово теперь: в группу слепых приверженцев жестких догм, отгораживающих их от всех инакомыслящих. Дюпон, ведавший печатными органами физиократов, «редактировал» все, что попадало в его руки, в физиократическом духе. Самое смешное, что он считал себя большим физиократом, чем сам Кенэ, и уклонялся от публикации переданных ему ранних работ последнего (когда Кенэ писал их, он был, по мнению Дюпона, еще недостаточно физиократом).

Такому развитию дел способствовали некоторые черты характера самого Кенэ. Д. И. Розенберг в своей «Истории политической экономии» замечает: «В отличие от Вильяма Петти, с которым Кенэ делит честь именоваться творцом политической экономии, Кенэ был человеком непоколебимых принципов, по с большой склонностью к догматизму и доктринерству». С годами такая склонность увеличивалась, да и поклонение секты этому способствовало.

Считая истины новой науки «очевидными», Кенэ становился нетерпим к другим мнениям, а секта во много раз усиливала эту нетерпимость. Кенэ был убежден в универсальной применимости своего учения независимо от условий места и времени. На своих учеников он все более смотрел, как Иисус на апостолов: только как на людей, которые понесут людям его откровение. Аббат Галиани, сам видный экономист, говорил о Кенэ: он не отвергает в качестве своих учеников ни одного дурака, лишь бы тот проявил энтузиазм.

Его скромность ни на йоту не уменьшилась. Он отнюдь не искал славы,

но она сама находила его. Он вовсе не принижал своих учеников, но они принижали себя сами. В последние годы Кенэ стал невыносимо упрям. В 76 лет он занялся математикой и возомнил, что сделал важные открытия в геометрии. Д'Аламбер признал эти открытия вздором. Друзья в один голос уговаривали старца не делать из себя посмешище и не публиковать работу, где он излагал свои идеи. Все было напрасно. Когда в 1773 г. это сочинение все же вышло, Тюрго сокрушался: «Это же скандал из скандалов, это солнце, которое потускнело». На это можно, видимо, ответить только пословицей: и па солнце бывают пятна.

Кенэ умер в Версале в декабре 1774 г. Башомон, автор дневника, который является важным источником по истории Франции этого периода, записал: «Несколько дней назад скончался месье Кенэ, доктор медицины, более известный своими сочинениями в области земледелия и государственного управления, глава секты экономистов, которые называли его преимущественно *le maître*».

Физиократы, конечно, не могли никем заменить Кенэ. К тому же они уже переживали глубокий упадок. Правление Тюрго в 1774—1776 гг. оживило их надежды и деятельность, но тем сильнее был удар, нанесенный его отставкой. В сущности, это был конец физиократии. К тому же 1776 год — это год выхода в свет «Богатства народов» Адама Смита. Французские экономисты следующего поколения — Сисмонди, Сэй и др. — больше опирались на Смита, чем на физиократов. В 1815 г. Дюпон, уже глубокий старик, в письме попрекал Сэя тем, что он, вскормленный на молоке Кенэ, «бьет свою кормилицу». Сэй отвечал, что после молока Кенэ он съел немало хлеба и мяса, т. е. изучил Смита и других новых экономистов.

Распад физиократии в 70-х годах связан не только с ее собственными недостатками. Она подвергалась резкой критике, притом с разных сторон. Потеряв покровительство двора, физиократы стали объектом нападков феодальной реакции. В то же время их критиковали писатели из лагеря левых просветителей.

«Зигзаг» доктора Кенэ

Как пишет в своих мемуарах Мармонтель, который оставил о личности Кенэ много интересных подробностей, уже с 1757 г. доктор чертил свои «зигзаги чистого продукта». Это была «Экономическая таблица», которая неоднократно издавалась и толковалась в трудах самого Кенэ и его учеников. Она существует в нескольких вариантах. Однако во всех вариантах «Таблица» представляет собой одно и то же: в ней изображается с помощью числового примера и графика, как создаваемый в земледелии валовой и чистый продукт страны обращается в натуральной и денежной форме между тремя классами общества, которые выделял Кенэ.

Чтобы показать хотя бы в основных чертах трактовку «Экономической таблицы» с точки зрения современной науки, воспользуемся пером академика Василия Сергеевича Немчинова. В своей удостоенной Ленинской премии работе «Экономико-математические методы и модели» он пишет: «В XVIII в. на заре развития экономической науки... Франсуа Кенэ... создал «Экономическую таблицу», явившуюся гениальным взлетом человеческой мысли. В 1958 г. исполнилось 200 лет с момента опубликования этой таблицы, однако идеи, заложенные в ней, не только не померкли, а приобрели еще большую ценность... Если охарактеризовать таблицу Кенэ в современных

экономических терминах, то ее можно считать первым опытом макроэкономического анализа, в котором центральное место занимает понятие о совокупном общественном продукте... «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ — это первая в истории политической экономии макроэкономическая сетка натуральных (товарных) и денежных потоков материальных ценностей. Заложенные в ней идеи — это зародыш будущих экономических моделей. В частности, создавая схему расширенного воспроизводства, К. Маркс отдал должное гениальному творению Франсуа Кенэ...».

Основной смысл приведенных цитат понятен читателю, но детали, возможно, стоит пояснить. Макроэкономический анализ — это анализ совокупных экономических величин (общественный продукт, национальный доход, капиталовложения) и связанные с этим экономические проблемы. В противоположность этому микроэкономика — анализ категорий и проблем товара, стоимости, цены и т. п., а также кругооборота индивидуального капитала. Макроэкономическая модель Кенэ — это гипотетическая, построенная на известных допущениях и постулатах схема воспроизводства и обращения общественного продукта. Она послужила одной из главных точек опоры, которые использовал Маркс в своих гениальных схемах воспроизводства.

В письме Энгельсу от 6 июля 1863 г. он впервые описывает свои исследования в этой области и набрасывает числовой и графический пример: как возникает совокупный продукт из затрат постоянного капитала (сырье, топливо, машины), переменного капитала (зарплата рабочих) и прибавочной стоимости. Образование продукта происходит в двух различных подразделениях общественного производства: там, где производятся машины, сырье и т. п. (первое подразделение), и там, где производятся предметы потребления (второе подразделение).

Насколько Маркс вдохновлялся идеями Кенэ, свидетельствует тот факт, что непосредственно под своей схемой он изобразил в письме «Экономическую таблицу», вернее, самую ее суть. Схема Маркса даже в этом первоначальном виде, конечно, резко отличается от «Таблицы» Кенэ: в ней показан действительный источник прибавочной стоимости — эксплуатация наемного труда капиталистами. Но важно то, что у Кенэ содержалась в зародыше важнейшая идея: *процесс воспроизводства и реализации может бесперебойно совершаться только при соблюдении определенных народнохозяйственных пропорций*.

И Кенэ в «Таблице» и Маркс в этой первой схеме исходили из *простого воспроизводства*, при котором производство и реализация повторяются каждый год в прежних размерах, без накопления и расширения. Это естественный путь от простого к сложному, от частного к более общему. Эйнштейн сначала создал частную теорию относительности, применимую только при инерциальных движениях, и лишь затем перешел к разработке общей теории относительности.

Во втором томе «Капитала», который был опубликован Энгельсом уже после смерти его автора, Маркс развил теорию простого воспроизводства и заложил основы теории *расширенного воспроизводства*, т. е. воспроизводства с накоплением и увеличением объема производства. Этим проблемам посвящены и важнейшие экономические работы В. И. Ленина.

Главная проблема, которой занимался Кенэ, — это, говоря языком современной науки, проблема основных народнохозяйственных пропорций,

обеспечивающих развитие экономики. Достаточно назвать эту проблему, чтобы понять ее крайнюю актуальность и важность для современности. Можно сказать, что идеи Кенэ лежат в основе составляемых теперь и в нашей стране и в других странах балансов межотраслевых связей. Эти балансы отражают производственные взаимоотношения отраслей и играют все большую роль в управлении хозяйством.

В последнее время растет интерес к Кенэ и в немарксистской политической экономии. Внушительно было отмечено 200-летие «Экономической таблицы». Франция причислила Кенэ к своим национальным гениям.

Глава 8

МЫСЛИТЕЛЬ, МИНИСТР, ЧЕЛОВЕК: ТЮРГО

В 1858 г. 30-летний Чернышевский написал для «Современника» рецензию на книгу С. Муравьева о Тюрго. Вместо рецензии получилась блестящая работа о Тюрго, физиократии и основных направлениях в европейской политической экономии. Сам того не зная, Чернышевский был удивительно близок к взглядам Маркса, которые формировались в эти же годы: в 1859 г. вышла книга «К критике политической экономии».

Чернышевский показал, что прогрессивные у Кенэ и Тюрго идеи экономической свободы и капиталистического прогресса превращаются в руках «школы Сэя» в прославление капитала и защиту эксплуатации рабочих. Маркс характеризовал «школу Сэя» как важнейшее направление вульгарной политической экономии.

Что касается Тюрго, то Чернышевский объяснил характер его деятельности и причины неудачи этого министра-реформатора в условиях предреволюционной Франции: Тюрго пытался реформами поправить то, что могла «поправить» уже только революция. Чернышевский отнюдь не стремился прославить Тюрго. Наоборот, в противовес восторженным излияниям «школы Сэя», которая видела в Тюрго пророка царства капитала, он пишет подчеркнуто сухо, слегка даже иронизируя по поводу его несбыточных надежд и их неизбежного крушения.

В Тюрго было что-то от Дон-Кихота, и это подметил Чернышевский. Впрочем, он был скорее Дон-Кихотом не по характеру, а по воле обстоятельств: иногда донкихотством оказываются самые разумные идеи и целесообразные действия. Но это сравнение уместно еще в одном отношении: лично Тюрго был человеком большого душевного благородства, безусловной принципиальности и редкого бескорыстия. Эти качества были при дворе Людовиков XV и XVI столь же странными и неуместными, как в мире, созданном воображением Сервантеса.

Мыслитель

Анн Робер Жак Тюрго барон дель Ольн считался выдающимся человеком уже при жизни. Талант ученого и писателя соединялся в нем с мудростью государственного деятеля, вера в человеческий разум и прогресс — с большим гражданским мужеством. Его любили и ценили такие разные, но равнозамечательные люди, как Вольтер и д'Аламбер, Франклин и Адам Смит. И было за что!

Тюрго родился в 1727 г. в Париже, он происходил из старинной нормандской дворянской семьи, имевшей вековые традиции государственной службы. Его отец занимал в Париже должность, соответствующую современной должности префекта или мэра. Он был третьим сыном, и согласно традиции семья предназначала его для церкви. Благодаря этому Тюрго получил лучшее образование, какое было возможно в то время. Окончив с блеском семинарию и готовясь в Сорбонне к ученому званию лиценциата богословия, 23-летний аббат, гордость Сорбонны и восходящая звезда католицизма, неожиданно оставил духовную карьеру.

Это — решение зрелого и мыслящего человека. Много занимаясь в эти годы философией, изучая английских мыслителей, Тюрго склоняется к материализму и деизму. Молодой Тюрго пишет ряд философских работ, направленных против субъективного идеализма, который объявлял весь внешний мир порождением сознания человека. Способности Тюрго с юных лет поражали учителей и товарищей. Он хорошо знал шесть языков, изучал множество разных наук, обладал феноменальной памятью. Его соученик и друг аббат Морелле рассказывает, что он мог со второго и даже первого чтения запомнить 160 стихотворных строк. Разумеется, это был не главный его талант.

Если Кенэ начал заниматься политической экономией в 60 лет, то Тюрго в 22 года пишет замечательную по глубине мысли работу о бумажных деньгах, анализирует систему Ло и ее пороки. Но это пока исключение. В основном экономические вопросы занимают Тюрго лишь в рамках широких философско-исторических проблем, которыми он в эти годы увлекается.

В 1752 г. Тюрго получает судебную должность в парижском парламенте, а в следующем покупает на свою скромную долю наследства место докладчика судебной палаты. Служба не мешает ему усиленно заниматься науками и вместе с тем посещать салоны, где концентрируется умственная жизнь Парижа. Как в светских, так и в философских салонах молодой Тюрго скоро становится одним из лучших украшений. Он сближается с Дидро, д'Аламбером и их помощниками по «Энциклопедии». Тюрго пишет для «Энциклопедии» несколько статей — философских и экономических.

Важнейшую роль в жизни Тюрго сыграл видный прогрессивный чиновник Венсан Гурнэ, ставший в области экономики его наставником. Гурнэ, в отличие от физиократов, считал промышленность и торговлю важнейшими источниками процветания страны. Однако вместе с ними он выступал против цеховых ограничений ремесла, за свободу конкуренции. Как уже говорилось, ему иногда приписывают знаменитый принцип *laissez faire, laissez passer*. В 1755—1756 гг. Тюрго совершил вместе с Гурнэ, занимавшим пост интенданта торговли, ряд поездок по провинциям с целью инспектирования торговли и промышленности. Когда по возвращении в Париж Тюрго стал вместе с Гурнэ бывать в «антресольном клубе» Кенэ, он был уже закален против крайностей физиократии. Хотя Тюрго был согласен с некоторыми основными идеями Кенэ и относился к нему лично с большим уважением, он во многом шел в науке своим путем. Гурнэ умер в 1759 г. В «Похвальном слове Венсану де Гурнэ», написанном сразу после его смерти, Тюрго не только дал характеристику взглядов своего покойного друга, но и впервые систематически изложил свои собственные экономические идеи.

Научная и литературная деятельность Тюрго была прервана в 1761 г.

назначением на должность интенданта глухой Лиможской провинции. В Лиможе Тюрго провел 13 лет, периодически наезжая в Париж и живя там в зимние месяцы. Интендант, как главный представитель центральной власти, ведал всеми хозяйственными вопросами в провинции. Но главная его обязанность состояла в сборе налогов для короля.

Очутившись в этой глуши, Тюрго, очевидно, первое время ощущал нечто вроде того, что испытывают молодые, исполненные добрых намерений помещики у Льва Толстого, столкнувшись с жестокой действительностью, с невежеством и косностью забитых крестьян. Тюрго писал: «Почти нет крестьян, умеющих читать и писать, и очень мало таких, на ум или честность которых можно рассчитывать; это упрямая раса людей, которые сопротивляются даже таким переменам, которые направлены на улучшение их жизни».

Но у Тюрго не опустили руки. Человек энергичный, даже самоуверенный и властный, он, вопреки всем трудностям, начинает проводить в своей провинции известные реформы. Он стремится упростить систему взимания налогов; заменяет ненавистную для крестьян дорожную повинность вольнонаемным трудом и строит хорошие дороги; организует борьбу с эпидемиями скота и вредителями посевов; внедряет среди населения картофель и, подавая пример, приказывает повару ежедневно готовить к обеду для себя и гостей картофельное блюдо.

Ему пришлось столкнуться с неурожаем и голодом. Действуя в борьбе с бедствиями смело и разумно, он по необходимости отступал от своих теоретических принципов, требовавших все предоставить частной инициативе, свободной конкуренции и естественному ходу событий. Тюрго действовал как прогрессивный и гуманный администратор. Но в общем о его деятельности в Лиможе можно сказать то же, что Чернышевский сказал о его министерстве: он был хорошим интендантом, но напрасно был он интендантом. В условиях монархии Людовика XV он мог сделать страшно мало, и он делал лишь то, что в некоторых провинциях делали другие просвещенные и здравомыслящие интенданты.

Из своего Лиможа и во время поездок в Париж Тюрго следит за успехами физиократии. Он сближается с Дюпоном, знакомится с приехавшим в Париж Адамом Смитом. Однако его основная продукция в эти годы — бесконечные доклады, отчеты, служебные записки и циркуляры. Лишь в редкие свободные часы, урывками, может он заниматься наукой. Так, почти случайно, пишет Тюрго в 1766 г. свою главную экономическую работу — «Размышления о создании и распределении богатств»: основные идеи давно сложились у него в голове и фрагментами были уже изложены на бумаге, в том числе в официальных документах.

История этой работы необычна. Тюрго написал ее по просьбе друзей в качестве учебника или руководства для двух молодых -китайцев, привезенных иезуитами-миссионерами для обучения во Францию. Дюпон опубликовал ее в 1769 — 1770 гг. По своему обычаю, он «причесал» Тюрго под физиократа, в результате чего между ними возник острый конфликт. В 1776 г. Тюрго сам выпустил отдельное издание.

«Размышления» написаны с блестящим лаконизмом, напоминающим лучшие страницы Петти. Это 100 сжатых тезисов, своего рода экономических теорем (кое-что, правда, принимается в качестве аксиом). Теоремы Тюрго четко делятся на три части.

До теоремы 31 включительно Тюрго — физиократ, ученик Кенэ. Но

теории чистого продукта он придает оттенок, который заставляет Маркса заметить: «У *Тюрго* физиократическая система приняла наиболее развитый вид». Развитый не в смысле развития ее ошибочных исходных положений, а в смысле наиболее научного толкования действительности в рамках физиократии. Тюрго приближается к пониманию прибавочной стоимости, незаметно переходя от «чистого дара природы» к создаваемому трудом земледельца излишку продукта, который присваивает собственник главного средства производства — земли.

Следующие 17 теорем посвящены стоимости, ценам, деньгам. На этих страницах Тюрго, а также в некоторых других его сочинениях буржуазные экономисты через 100 лет обнаружили первые зачатки субъективных теорий, которые расцвели пышным цветом к концу XIX в. Как и вся французская политическая экономия, Тюрго оказался не способен даже приблизиться к научной трудовой теории стоимости. По Тюрго, меновая стоимость и цена товара определяются соотношением потребностей, интенсивностью желаний вступающих в обмен лиц, продавца и покупателя. Но эти мысли у Тюрго мало связаны с костяком его учения.

Право на одно из самых почетных мест в истории экономической мысли дают Тюрго в основном последние 52 теоремы.

Уже говорилось, что общество в системе физиократов состоит из трех классов: производительного (земледельцы), собственников земли и бесплодного (все прочие). Тюрго делает замечательное дополнение к этой схеме. Последний класс у него «распадается, так сказать, на два разряда: на предпринимателей-мануфактуристов, хозяев-фабрикантов; все они являются обладателями больших капиталов, которые они употребляют для получения прибыли, давая работу за счет своих авансов. Второй разряд состоит из простых ремесленников, которые не имеют ничего, кроме своих рук, которые авансируют предпринимателям только свой ежедневный труд и прибыль которых сводится к получению заработной платы». О том, что заработная плата этих пролетариев сводится к минимуму средств существования, Тюрго говорит в другом месте. Совершенно аналогично «класс земледельцев, как и класс фабрикантов, распадается на два разряда людей: на предпринимателей, или капиталистов, дающих авансы, и на простых рабочих, получающих заработную плату».

Эта модель общества, состоящего из пяти классов, несравненно ближе к действительности, чем модель Кенэ, делящего общество на три класса. Она как бы представляет собой мост между физиократами и английскими классиками, которые четко выделили три главных класса с точки зрения их отношения к средствам производства: землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Они избавились от принципиального разграничения промышленности и сельского хозяйства, на что еще не может решиться Тюрго.

Другим его замечательным достижением был анализ капитала, значительно более глубокий и плодотворный, чем у Кенэ. Последний толковал капитал в основном лишь как сумму авансов в различной натуральной форме (сырье, оплата труда и т. п.), поэтому капитал у него недостаточно связан с проблемой распределения продукта между классами общества. В системе Кенэ не было места прибыли; капиталист у него, так сказать, «сидел на зарплате», и Кенэ не исследовал, какими законами определяется эта «зарплата».

Здесь Тюрго делает большой шаг вперед. Он уже не может обойтись без прибыли и даже, руководимый верным чутьем, начинает ее рассмотрение с промышленного капиталиста: здесь происхождение прибыли, действительно, видно яснее, так как глаза не закрывает физиократический предрассудок о том, что «весь избыток происходит из земли».

Тюрго-физиократ, далее, забавным образом извиняется за то, что он «несколько нарушил естественный порядок» и лишь во вторую очередь обращается к земледелию. Но он напрасно извиняется. Напротив, он рассуждает очень верно: фермер-капиталист, использующий наемный труд, должен иметь по меньшей мере такую же прибыль на свой капитал, как и фабрикант, плюс некоторый избыток, который он должен отдать землевладельцу в качестве ренты.

Пожалуй, самая удивительная теорема — 62-я. Вложенный в производство капитал обладает способностью самовозрастания. Чем определяется степень, пропорция этого самовозрастания?

Тюрго пытается объяснить, из чего состоит стоимость продукта, создаваемого капиталом (в действительности трудом, который эксплуатируется данным капиталом). Прежде всего, в стоимости продукта возмещается затрата капитала, в том числе заработная плата рабочих. Остальная часть (в сущности, прибавочная стоимость) распадается на три части.

Первая — прибыль, равная доходу, который капиталист может получить «без всякого труда», как собственник денежного капитала. Это часть прибыли, соответствующая ссудному проценту. Вторая часть прибыли оплачивает «труд, риск и искусство» капиталиста, который решает вложить свои деньги в фабрику или ферму. Это предпринимательский доход. Таким образом, Тюрго наметил распад промышленной прибыли, ее деление между ссудным и функционирующим капиталистом. Третья часть — земельная рента. Она существует только для капиталов, занятых в земледелии. Безусловно, этот анализ был новым словом в экономической науке.

Но тут же Тюрго сворачивает на иной путь. Он отходит от правильной точки зрения, что прибыль — основная, обобщающая форма прибавочной стоимости, из которой вытекают и процент и рента. Сначала он сводит прибыль к проценту: это тот минимум, на который имеет право всякий капиталист. А если он, вместо того чтобы спокойно сидеть за своей конторкой, лезет в дым и гарь фабрики или жарится на солнце, следя за батраками, то ему полагается некоторая надбавка — особого рода зарплата. Далее, процент в свою очередь сводится к земельной ренте: ведь самое простое, что можно сделать с капиталом, — это купить участок земли и без хлопот сдавать его в аренду. Теперь основной формой прибавочной стоимости оказывается земельная рента, а остальные — производные от нее. Опять все общество «сидит на зарплате», которую производит только земля. Тюрго возвращается в лоно физиократии.

Как известно, даже ошибки больших мыслителей плодотворны и важны. Это можно сказать и о Тюрго. Рассматривая различные формы приложения капитала, он ставит важнейшие вопросы о конкуренции капиталов, о естественном уравнивании нормы прибыли благодаря возможностям их перелива из одной сферы приложения в другую. Следующий важный шаг в решении этих проблем, в сущности сделал уже Рикардо. Эти поиски французской и английской классической экономики постепенно подводят

к решению, которое дал Маркс в 3-м томе «Капитала» теорией прибыли и цены производства, теорией ссудного капитала и процента и теорией земельной ренты.

Министр

Короли Бурбоны оставляли потомству афоризмы. Генрих IV, согласно легенде, сказал, что Париж стоит мессы. Людовик XIV выразил суть абсолютной монархии в знаменитой формуле: «Государство — это я». Людовик XV произнес не менее знаменитую фразу: «После нас — хоть потоп». Людовик XVI не оставил афоризма, может быть, потому, что ему скоро отрубили голову, а может быть, потому, что был просто слишком незначителен. Как говорил Мирабо (сын маркиза-физиократа), в королевской семье Людовика XVI единственным мужчиной была королева Мария Антуанетта.

Людовик XV умер от оспы в мае 1774 г. Последние годы его жизни, были отмечены жестокой реакцией и кризисом финансов. Смерть деспота обычно несет после себя какие-то либеральные веяния, даже если на пороге власти стоит новый деспот. Так было после смерти Людовика XIV, а в России — после смерти Павла I и Николая I. Смерть старого короля вызвала во всей Франции вздох облегчения. Философы надеялись, что 20-летний король, человек мягкий и податливый, откроет наконец «эру разума», осуществит их идеи. Новую пищу этим надеждам дало высокое назначение Тюрго, который стал сначала морским министром, а через несколько недель занял пост генерального контролера финансов и взял на себя руководство фактически всеми внутренними делами страны.

Много раз писали, что Тюрго попал в министры случайно: его друг аббат Бери шепнул графине Морена, последняя нажала на своего супруга, фаворита нового короля, и т. д. Это верно лишь отчасти. Действительно, назначение Тюрго было результатом интриг. Старая придворная лиса Морена рассчитывал использовать в своих интересах его популярность и хорошо известную честность. До идей и проектов Тюрго ему было мало дела.

Но это не вся история. Как никогда ранее, в стране ощущалась необходимость каких-то перемен. Это понимала даже феодально-аристократическая верхушка. Нужен был свежий человек, не связанный с придворной камарильей, не запятнанный казнокрадством. Такой человек нашелся — это был Тюрго. Беря на себя расчистку авгиевых конюшен финансов и хозяйства страны, Тюрго отнюдь не льстил себя иллюзией, что это легкая задача. Но он рассчитывал на поддержку короля и получил обещание поддержки. Выходя 24 августа 1774 г. из кабинета короля, Тюрго попросил разрешения изложить для нег на бумаге основные принципы, которые он намерен проводить в жизнь.

Написанное в тот же день письмо Тюрго королю — замечательный документ. Хотя в нем, в сущности, излагаются только простые и разумные принципы управления финансами, Тюрго заключает: «В то же время я понимаю все опасности, которым я себя подвергаю. Я предвижу, что мне придется одному бороться против злоупотреблений всякого рода; против усилий тех, кто извлекает пользу из этих злоупотреблений; против многих людей, наполненных предрассудками, которые противятся любым реформам и которые являются сильным орудием в руках тех, кто заинтересован в увековечении существующего беспорядка. Я должен буду бороться даже

против естественной доброты, против великодушия вашего величества и самых дорогих для вас лиц. Меня будет бояться и даже ненавидеть подавляющая часть двора, все те, кто добивается милостей. Все отказы они будут приписывать мне; меня будут изображать жестоким человеком, потому что я советую вашему величеству не обогащать за счет благосостояния народа даже тех, кого вы любите. А этот народ, ради которого я пожертвую собой, так легко обмануть, что, может быть, я вызову его ненависть именно теми мерами, которые я предприму, чтобы избавить его от притеснений. На меня будут клеветать, и, возможно, эта клевета будет достаточно правдоподобной, чтобы лишить меня доверия вашего величества».

Не слишком ли это напыщенно? Пожалуй, нет! Ведь Тюрго здесь удивительно точно предсказал ход событий. Он с полным сознанием взял на плечи ношу и понес ее, не сгибаясь под ней. Его путь был путь смелых буржуазных реформ, которые в глазах Тюрго были необходимы с точки зрения общечеловеческого разума и прогресса.

Маркс писал: «Тюрго был великим человеком, ибо он соответствовал своему времени...». И в другой работе: «Он был одним из интеллектуальных героев, свергнувших старый режим...».

Что же сделал Тюрго, будучи министром? Невероятно много, если учесть короткий срок его деятельности и огромные трудности, на которые он наталкивался. Очень мало, если судить по конечным, долговременным результатам. Однако именно неудача Тюрго имела революционное значение. Если такой человек, как Тюрго, не смог провести реформы, значит, реформы были невозможны. Поэтому от реформ Тюрго прямая дорога ведет к взятию Бастилии в 1789 г. и к штурму дворца Тюильри в 1792-м.

Самой насущной задачей, за которую с первого дня взялся Тюрго, было оздоровление финансов государства. Он имел долгосрочную программу, включавшую такие радикальные реформы, как ликвидация системы налоговых откупов и обложение доходов от земельной собственности. Эту программу Тюрго не стремился оглашать, хорошо понимая, как будут на нее реагировать заинтересованные круги. Пока же он с большой настойчивостью проводил многочисленные частные меры, устраняя самые вопиющие нелепости и несправедливости в налоговой системе, облегчая бремя налогов для промышленности и торговли, прижимая налоговых откупщиков. С другой стороны, Тюрго попытался ограничить расходы бюджета, из которых главным было содержание двора. Здесь его воля скоро столкнулась с капризной и злой волей расточительной Марии Антуанетты. Тюрго удалось добиться некоторого улучшения в бюджете и восстановления кредита государства. Но зато число врагов министра быстро увеличивалось, а их активность возрастала.

Важным экономическим мероприятием Тюрго было введение свободной торговли зерном и мукой и ликвидация монополии, которую захватили при поддержке прежнего министра ловкие проходимцы. Эта в принципе прогрессивная мера создала, однако, для него большие осложнения. Урожай 1774 г. был небогатый, и следующей весной цены на хлеб заметно поднялись. В нескольких городах, особенно в Париже, произошли народные волнения. Хотя доказать это никому не удалось, есть основания полагать, что волнения были в большой мере спровоцированы и организованы врагами Тюрго с целью подорвать его положение. Министр твердой рукой подавил беспорядки. Возможно, он полагал, что народ не понял собственного интереса

и ему надо объяснить этот интерес любыми средствами. Все это было использовано против Тюрго его недругами, в число которых тайно перешел и Морена: чем дальше, тем больше он опасался Тюрго и завидовал ему.

А Тюрго, не оглядываясь, шел дальше. В начале 1776 г. он добился одобрения королем знаменитых шести эдиктов, которые более, чем все принятые ранее меры, подрывали феодализм. Важнейшими из них были два: об отмене дорожной повинности крестьян и об упразднении ремесленных цехов и гильдий. Второй эдикт Тюрго не без оснований рассматривал как необходимое условие быстрого роста промышленности и сословия капиталистических предпринимателей. Эдикты натолкнулись на ожесточенное сопротивление, центром которого стал парижский парламент,— они могли стать законами лишь после так называемой регистрации парламентом. Борьба продолжалась более двух месяцев. Лишь 12 марта Тюрго добился регистрации, и законы вступили в силу.

Это была его последняя, в сущности пиррова, победа. Все силы старого порядка теперь сплотились против министра-реформатора: придворная камарилья, высшее духовенство, дворянство, судебское сословие и цеховая буржуазия.

Народ в какой-то степени понимал демократический смысл реформ Тюрго. Крестьяне радовались избавлению от ненавистой барщины на королевских дорогах, по едва ли слышали его имя. Более грамотные парижские подмастерья и ученики ликовали и славили Тюрго в куплетах. Но народ был далеко внизу, а враги — рядом и наверху. Веселые куплеты подмастерьев вместе с дельными статьями физиократов тонули в мутном потоке злобных памфлетов, издевательских стихов и карикатур, который захлестнул Париж. Пасквильанты изображали Тюрго то злым гением Франции, то беспомощным и непрактичным философом, то марионеткой в руках «секты экономистов». Только на неподкупную честность Тюрго они не посягали: таким обвинениям никто бы не поверил.

Вся эта кампания направлялась и финансировалась придворной кликой. Другие министры составляли заговоры против Тюрго. Королева истерично требовала от Людовика отправить его в Бастилию. Брат короля выпустил один из самых ядовитых пасквилей.

В этом содоме непреклонно твердый, гордый и одинокий Тюрго поистине представлял величественную и трагическую фигуру.

Его падение стало неизбежным. Людовик XVI наконец уступил нажиму, которому он давно подвергался с разных сторон. Король не решился в глаза сказать своему министру об отставке: приказание сдать дела принес Тюрго королевский посланец. Это произошло 12 мая 1776 г. Большинство проведенных им мер, в частности указанные выше эдикты, были вскоре полностью или частично отменены. Почти все пошло по-прежнему. Единомышленники и помощники Тюрго, которых он привлек к работе в государственном аппарате, ушли вместе с ним, а некоторые были высланы из Парижа. Надежды физиократов и энциклопедистов рухнули. 82-летний Вольтер писал в Париж из своего добровольного изгнания: «О, какую новость я слышу! Франция могла бы быть счастлива. Что с нами будет? Я потрясен. После того, как Тюрго покинул свой пост, я ничего не вижу для себя впереди, кроме смерти. Этот удар грома поразил меня в голову и в сердце».

Человек

Хотя Тюрго еще не было 50 лет, здоровье его было сильно расстроено. Особенно мучили его приступы подагры. Из 20 месяцев, которые он был министром, он семь месяцев провел в постели. Тем не менее его работа не прерывалась ни на один день: он диктовал проекты законов, доклады и письма, принимал чиновников, инструктировал помощников. В кабинет короля его иногда носили в портшезе.

Он и далее презирал болезнь, хотя она упорно преследовала его. Часто он мог ходить только на костылях, которые с мрачным юмором называл «мои лапы». Впрочем, умер он от болезни печени. Это случилось в мае 1781 г., ровно через пять лет после отставки.

Друзей поражало спокойствие духа, с которым Тюрго переносил свою опалу и крах его реформ. Он мог шутить даже по поводу вскрытия цензорами его писем. Казалось, он удалился в частную жизнь с удовольствием: в течение 15 лет, пока он был интендантом и министром, ему не хватало времени на книги, научные занятия и общение с друзьями. Теперь он получил это время.

В июне 1776 г. он пишет своему секретарю и другу Кайяру: «Досуг и полная свобода представляют собой главный чистый продукт двух лет, которые я провел в министерстве. Я постараюсь использовать их (досуг и свободу) с приятностью и пользой».

В письмах Тюрго последних лет множество упоминаний о его библиотеке, которую он за несколько месяцев до смерти разместил в купленном им новом доме. Во многих письмах он обсуждает вопросы литературы и музыки, говорит о своих занятиях физикой и астрономией.

В 1778 г. в качестве годовичного президента Академии надписей и изящной словесности он торжественно вводит в число академиков своего нового друга — Франклина. Для Франклина, как посла восставших американских колоний, он пишет свое последнее экономическое сочинение — «Мемуар о налогах». Американские дела в эти годы сильно волнуют его, как и все французское общество. С всегда свойственным ему оптимизмом он надеется, что заокеанская республика избегнет ошибок и пороков дряхлой феодальной Европы.

Тюрго — постоянный гость в салонах своего старого друга герцогини д'Анвиль и вдовы философа мадам Гельвеции, где собираются самые свободомыслящие и просвещенные люди. Разум великого поклонника человеческого разума оставался острым и ясным до последнего дня.

Тюрго был в жизни несколько суровым и суховатым человеком. Недостаток гибкости, излишнюю прямолинейность ему порой ставили в упрек. Это, видимо, затрудняло иногда даже близких к нему людей и отпугивало людей мало знакомых.

Особенно его раздражали в людях лицемерие, легкомыслие, непоследовательность. Придворных манер Тюрго не имел и не усвоил. Версальских шаркунов, пишет его биограф Д. Дании, смущала и пугала одна его внешность — «пронизывающие темные глаза, массивный лоб, величественные черты, сама посадка головы и достоинство, как у римской статуи».

В Версале он пришелся в буквальном смысле не ко двору. Обладая многими талантами, он не имел того дара, о котором говорил Талейран: использовать язык не для того, чтобы изъяснять свои мысли, а чтобы скрывать их.